

Василий ПЕСКОВ

С радостью
Василий!
Юбер

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

В СОБОЛИНОМ КРАЮ

Василий Песков. Полное собрание сочинений

Василий Песков

**Полное собрание сочинений.
Том 1. В соболином краю**

«ИД Комсомольская правда»

Песков В. М.

Полное собрание сочинений. Том 1. В соболином краю / В. М. Песков — «ИД Комсомольская правда», — (Василий Песков. Полное собрание сочинений)

ISBN 978-5-87107-850-1

В первый том собрания сочинений старейшего журналиста «Комсомольской правды» Василия Михайловича Пескова, автора легендарной рубрики «Окно в природу», вошли его первые статьи, очерки и репортажи, опубликованные в «Комсомолке» в конце пятидесятих годов. Он писал об основных стройках страны, о рабочих людях, встретившихся ему в командировках. Уже тогда Василий Песков был прекрасным репортером и фотографом и нашел свой особенный стиль: не просто рассказ о людях и природе, но и обязательно – фоторассказ. Том включает в себя статьи за 1956–1959 годы.

ББК 94

ISBN 978-5-87107-850-1

© Песков В. М.

© ИД Комсомольская правда

Содержание

Предисловие	7
1956	9
Когда бушевали метели	11
Настоящие болельщики	15
Зеленый клад	17
Рождение лесного озера	20
Песни села Колыбелки	22
«Зеленые» берут верх	24
Классика физкультуры	26
Солнце под кистью	27
Целинный каравай	29
«Доктор» комбайнов	32
Вот наша деревня, вот мой дом родной	34
Село-сад	34
«Комсомольский фундамент»	35
Премированная хата	37
Поход за миллионами	38
Думать все 12 месяцев	38
Одно из 1126	39
Дважды рожденные станки	40
Главная улица	41
На трассе голубого огня	45
Мотя Трещева – председатель	48
День рождения	51
Огород под стеклом	55
На Ангаре	56
Первая в Сибири	60
1957	62
Охотиться в тайгу!	64
На дне братского моря	66
Зима на Лене	68
Семья Петра Гриновского	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Василий Песков

Полное собрание сочинений. Том 1. В соболином краю. 1956–1959

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

«Нелегко идти человеку, если ни одного следа не оставили до него на трудной дороге. Вернее, дороги еще нет. Ее приходится прокладывать. Но трудный путь сулит очень заманчивую цель».
В. Песков

Предисловие

Если официально, то Василий Михайлович Песков – один из старейших журналистов «Комсомольской правды», автор очерков и книг, телеведущий и путешественник.

Если не официально, то в редакции «Комсомольской правды», где он проработал с 1956 года, журналисты моего поколения (пришедшие в восьмидесятых годах прошлого века) звали его всегда Дедом, но – с почтением и невиданным пиететом. «Комсомолка» менялась, но его чудесные заметки и открытое им «Окно в природу» оставались многие десятилетия осью, вокруг которой если и происходили потрясения, то она-то все равно стояла прочно.

И когда Василий Михайлович появлялся в редакции, все знали, что будет новый стопроцентный материал, новый анекдот и новый хороший совет нам, начинающим. Он много чего видел и знал, и биография у него – интереснейшая.

Василий Михайлович родился 14 марта 1930 года в селе Орлово Воронежской области. Отец его был машинистом на паровозе, мама – крестьянкой. Он окончил среднюю школу и строительный техникум, потом работал пионервожатым, шофером, киномехаником. В юности увлекся фотографированием природы.

В 1953 году попробовал делать фотографии для воронежской газеты «Молодой коммунар». Но однажды написал очерк «Апрель в лесу», и его взяли в штат – корреспондентом.

А в «Комсомольскую правду» он перешел в 1956 году.

У него был свой собственный почерк, интонация и принципы, которым он не изменял все годы. Во-первых, как фотограф, он практически не делал ни одного материала без снимков. Уж если рассказывать о человеке ли, о таежном звере ли – читатель должен видеть героев. А не придумывать их мысленно.

Во-вторых, выпускник техникума, он так владел прекрасным, чистым, ясным и точным русским языком, что просто завидки берут. Это сейчас редкость невероятная...

В-третьих, он умел потрясающе удивляться увиденному. Вы еще это и сами замечайте: и рыбаку, ловящему «на пуговицу», и простому деревенскому косарю, и маршалу, и космонавту, и бортнику. Он не умел писать без интереса к своим героям.

За годы работы в «Комсомолке» он сделал сотни таких репортажей. В частности, первым встретился с Юрием Гагариным и долгое время писал о покорении космоса.

Но главной темой творчества Пескова всегда была природа: его рубрика «Окно в природу» – одна из самых старых в газете.

Работал на телевидении – с 1975-го по 1990 годы был ведущим программы «В мире животных».

Василий Михайлович Песков написал несколько книг. За «Шаги по росе» (вышла в 1963 году) он был награжден Ленинской премией.

А еще – «Записки фоторепортера», «Аляска больше, чем вы думаете», «По дорогам Америки», «Война и люди», «Белые сны», «Отечество» и другие.

Но известнее всего, пожалуй, его «Таежный тупик», повесть о семье староверов Лыковых, живших более 40 лет в тайге, вдали от цивилизации.

Были у Василия Михайловича и награды кроме Ленинской премии: орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Он – лауреат премии Правительства Российской Федерации и удивительно справедливой применительно именно к нему – премии «Легенда отечественной журналистики» (2010 год).

Книга, которую вы сейчас будете читать, – первый том из собрания сочинений Василия Михайловича, которое мы издаем через год после его ухода...

Мы долго думали, какой принцип избрать для этого, и решили: пусть это будут в хронологическом порядке все его заметки, очерки, статьи, интервью, вышедшие в главной газете его жизни – «Комсомольской правде». С теми же заголовками.

Честно говоря, пришлось при создании этого собрания попотеть. Во-первых, Василий Михайлович написал почти две тысячи материалов. А во-вторых, вы заметите, что в первые годы – мало фотографий. Нет, в подшивках нашей газеты они, конечно, есть (как я уже сказал, он не писал заметок без фото), но в архивах Василия Михайловича многие из них не сохранились. Увы. Но нам очень хотелось, чтобы вы видели его героев. И потому в первом томе, простите уж нас, к некоторым заметкам будут не совсем качественные карточки – пришлось переснимать все, что хоть как-то подходило по качеству, из старых, желтых уже подшивок.

Зато к некоторым фотоснимкам, вышедшим в «Комсомолке» при его заметках, – вот удача! – мы смогли прибавить не публиковавшиеся фотографии из архива мастера, который разбирает сейчас внук Василия Михайловича Дмитрий.

Еще в первом томе те, кто читал Пескова в последние лет тридцать, удивятся, увидев «чисто советские, парадные» репортажи и зарисовки о героях строек СССР. Но обратите внимание: и тут Василий Михайлович умудрялся что-то особенное и необычное рассказать о людях, с которыми встречался даже по очень официальным поводам, типа пуска Братской ГЭС или Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

Мы не сомневаемся – вас захватит это чтение. Мир Василия Михайловича Пескова сложен так, что он не стареет. Потому что, по сути, все, что рассказывает нам Песков, – это вечные истины и понятия: доброта, любовь, главное дело жизни, красота и прекрасные люди, которых он привел к своему читателю.

Доброго вам чтения!

Андрей Дятлов,
заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

1956

Когда бушевали метели

Суровая в этом году зима. В декабре и январе шел снег, были метели. Оставит зверь в лесу следы, наутро их уже не видно. Позамело все тропинки, и казалось – богатая жизнь заповедника притихла, спряталась глубоко под снег.

В теплой норе спал отъевшийся за лето енот, домовитым бобрам было уютно в скрытых под снежной шубой домиках на болотистой глухой речке.

В феврале ударили морозы, да такие, что вековые липы и дубы лопались вдоль по стволу. Трудно стало жить в лесу тем животным, которые каждодневно должны были добывать себе пропитание. Больше корма в холодные дни требовалось запасливой белке, трудно стало лисицам. Почти метровую толщу снега надо было прорыть, чтобы поймать мышь. Нырнет лисица в сугроб – только рыжая метелка хвоста торчит над снегом...

Гибли птицы, застигнутые бескормицей и морозами. Они перекочевали из лесной глухомани на опушки, ближе к человеческому жилью. Но подлинная лесная драма разыгралась с оленями. Их в Воронежском заповеднике несколько сотен. За последние годы под охраной человека они расселились далеко по окрестным лесам. В малоснежные зимы олени легко находили прошлогоднюю траву, поедали молодые побеги кустарников, легко добирались к кормушкам с сеном. Этой же зимой не только что докопаться до травы и молодых побегов, даже передвигаться стало трудно.

Работники заповедника не позаботились наполнить с осени все кормушки сеном, и в конце февраля, когда ударили сильные морозы, стали находить трупы животных. В желудках оленей – лишь хвоя да жесткая кора деревьев.

Обычно пугливые и осторожные, олени стали появляться на железнодорожной линии и, не боясь свистков паровоза, подбирали случайно упавшую с платформ сахарную свеклу.

Раньше только счастливым доводилось увидеть в лесной чаще стройных красавцев. Теперь же робких оленей часто встречали на лесных дорогах. Они подходили вплотную к жилью. Скоро олени стали частыми гостями на скотных дворах, в прилегающем к заповеднику поселке Графском.

В это трудное время о лесных жителях позаботились школьники 61-й и 69-й железнодорожных школ станции Графской. Много тут было трогательных историй, но об одной хочется рассказать особо.

...Девятиклассник Коля Чубинский, юный натуралист из 69-й школы, отправился на лыжах в лес – подсыпать корм в расставленные по разным кварталам кормушки для птиц. Увлеченный прогулкой, он не заметил, как очутился в дальнем, глухом квартале заповедника. Он повернул было назад, но остановился, заметив свежие следы.

«Необычное соседство, – подумал Коля. – Почему это рядом с оленьим следом вьется ровной цепочкой лисий?»

Любопытство натуралиста заставило Колю пройти по следам километра три. Так вот в чем тайна! Утопая в снегу, с трудом пробираясь сквозь подлесок и бурелом, понурился, брела олениха. Бока у нее ввалились. Она еле передвигала ноги. Лисица почуяла близкую смерть животного и преследовала его, надеясь поживиться мясом, когда олениха ляжет. Олениха чувствовала опасность и поднималась, мотая головой, когда лисица уже намеревалась броситься к ней.

Коля стукнул палкой по дереву, лисица оглянулась и огненным шаром метнулась в чащу. Олениха тоже бросилась бежать, но после четырех-пяти прыжков грузно осела в сугроб, вытянув голову с большими печальными глазами.

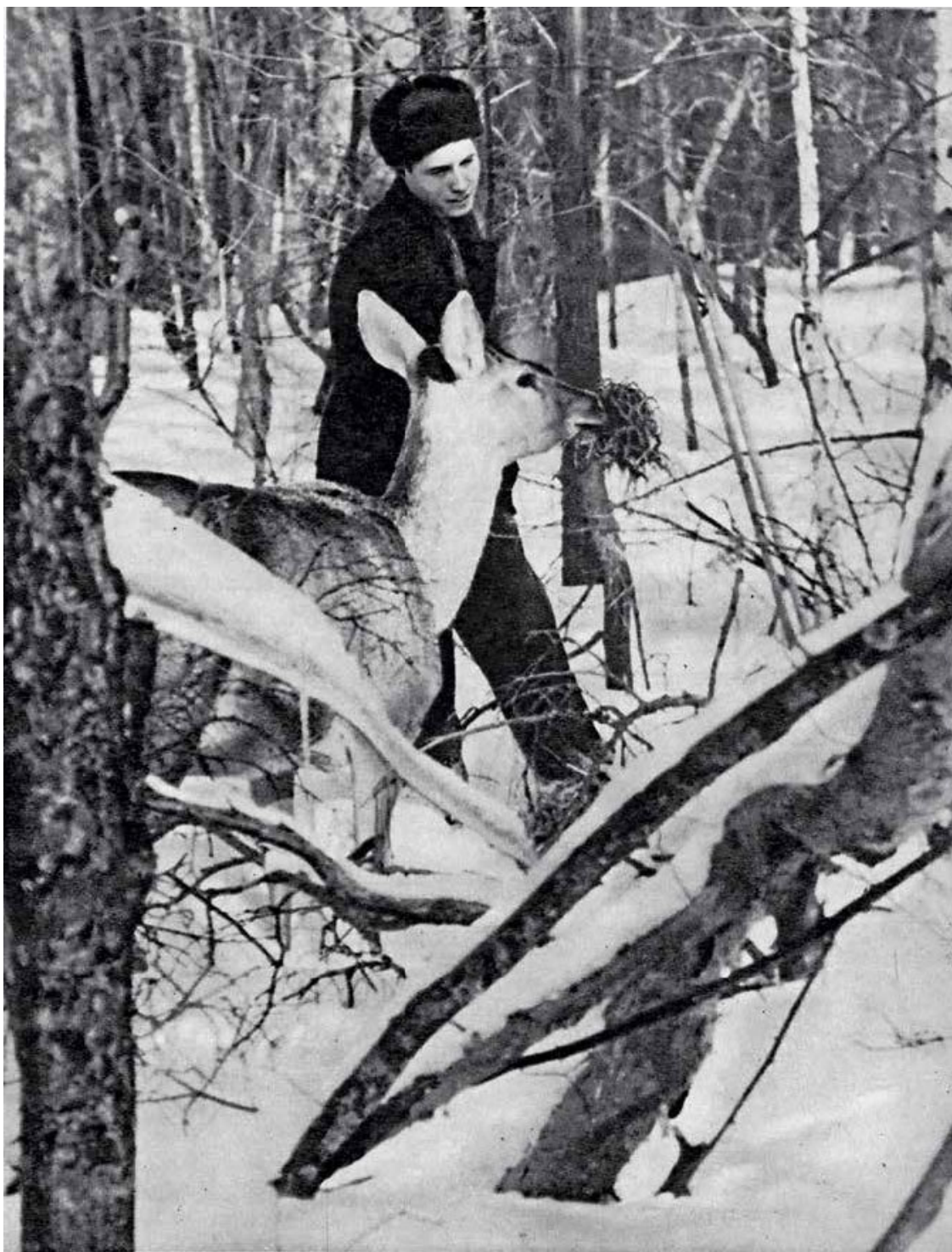
– Кто ты – друг или еще более опасный враг? – казалось, вопрошали они.

Коля медленно, очень медленно, чтобы не спугнуть погибающее животное, стал подходить ближе. Через полчаса олениха уже подбирала шершавыми губами с Колиных ладоней приготовленный для птиц овес...

Стало смеркаться, когда Коля собрался в обратный путь, наломав и подложив оленихе тонкие ветки кустарника.

На следующее утро, приторочив сзади вязанку сена, наполнив карман овсом и взяв пакет с солью, он снова пустился в путь. Не ушла ли олениха из этого квартала? Нет, она лежала на том же месте, где он ее оставил, и сразу подняла голову навстречу гостю. Потом с жадностью стала лизать соль; как и вчера, съела весь овес. Сено Коля оставил у лежки.

Так продолжалось несколько дней. Олениха привыкла к ежедневному гостю и уже робкими шагами выходила навстречу из чащи на призыв: «Ленка! Ленка!»...

Ленка узнала Колю и осторожно подошла.

Свидания прервала вьюга.

– Сегодня в такую даль идти нельзя, – сказала мать.

– А как же Ленка? – забеспокоился Коля.

– Завтра метель утихнет, тогда пойдешь.

Но на другой день метель разыгралась с новой силой.

«Погибнет Ленка без еды», – сокрушался Коля, тайком от матери снаряжая лыжи и увязывая сено. В школе был разговор, что, почуяв легкую добычу, в заповедник перекочевали из степи волки.

«Если нападут, обессиленная Ленка погибнет. А вдруг на меня нападут?». Коле сразу вспомнились рассказы о людях, растерзанных волками. Но тут же пришла на память и статья в журнале, где говорилось, что волки нападают на человека очень редко...

Пошел!.. Самым трудным оказалось не сбиться с дороги. Метель слепила глаза, и Коля порой ощупью находил протоптанную им раньше лыжню. Уже обессиленный, он подошел к старой лежке. Оленихи не было. Не было и следов, их замела метель. «Ленка! Ленка!» – звал Коля, не зная, куда направить лыжи. Под каждым сугробом чудился замеченный снегом труп зверя. В ответ лишь ветер свистел в верхушках старых сосен. Потеряв надежду, Коля повернул было домой, и вдруг под тремя толстыми деревьями поднялась голова! Ленка! Олениха поднялась на ноги и лизнула мальчика в лицо...

Наутро метель утихла, но проплутавший в метель по снегу Коля слег в постель.

Мы встретились с ним, когда он уже оправился от болезни.

– Четыре дня Ленку не видел, – волновался Коля. – Что теперь с ней?

Запасшись кормом, биноклем и фотоаппаратом с телеобъективом для дальней съемки, мы отправились в глухой квартал. Ярко светило солнце, снег переливался тысячами искр. Идти было трудно. Лыжи тонули в снегу, запутывались в густом кустарнике, натывались на поваленные деревья. Тут я понял, как трудно было шестнадцатилетнему мальчику пробираться одному в метель.

Олениху мы искали долго и, уже не надеясь встретить, начали фотографировать живописные уголки леса, как вдруг Коля замер и знаками стал показывать мне.

– Смотрите! – шептал он. – Стадо на лежке.

Я невольно повернулся, ветки у меня под ногами затрещали, и пять олених во главе с рогатым самцом бросились бежать. С минуту их головы виднелись над сугробами, потом исчезли.

– А, кажется, Ленка там! – сказал Коля.

Мы медленно пошли по следам и после получасового пути увидели в ложбине олених. Они стояли, насторожив уши.

– Ленка! Ленка! – позвал Коля.

Стадо бросилось бежать; олениха с пролежнями на боках тоже метнулась и вдруг остановилась.

– Ленка, Ленка! – позвал Коля.

Олениха узнала Колю, но, видно, боялась другого человека. Я осторожно отошел назад, и только с помощью телеобъектива мне удалось запечатлеть трогательную сцену встречи друзей.

...Домой едва дотащились. На лыжи налипали огромные комья размягшего под солнцем снега. Март вступил в свои права.

– Теперь олениха не одна, со стадом не пропадет. Да и тепло стало, – сказал мне на прощанье Коля.

Фото автора. 20 марта 1956 г.

Настоящие болельщики

В мае прошлого года случайно задержавшиеся после футбольного матча болельщики на стадионе «Динамо» заинтересовались необычной тренировкой. По полю бегали как будто футболисты, в воротах стоял вратарь. Но что это? Роковая для футболистов «рука» тут не штрафовалась. Наоборот, подбежавший к воротам игрок метнул мяч, да так ловко, что вратарю пришлось лезть за ним под сетку.

После тренировки группа молодых болельщиков окружила игроков и тренера. Посыпались со всех сторон вопросы.

– Говорите, нравится игра? Что ж, если нравится, приходите. Будем учить, – сказал тренер-общественник по ручному мячу Вадим Янушевский.

Так завязалась дружба учащихся воронежских школ и студентов лесотехнического вуза Станислава Доманина, Бориса Соловьева, Александра Грошева и их товарищей с тренером-общественником Вадимом Янушевским.

...На преподавателя технологии Янушевского некоторые «знатоки спорта» посмотрели как на прожектера:

– Развивать ручной мяч? Не выйдет! Где возьмешь тренеров, судей? Денег ведь на это не отпущено.

Первую команду Янушевский организовал в сельскохозяйственном институте. Ее тренировки привлекли завсегдатаев стадионов. Игра понравилась молодежи. Наиболее активные ее поклонники были приглашены Янушевским на семинар.

Трудности работы первых активистов можно перечислять долго: тут и косность некоторых спортивных руководителей, видевших в игре лишние заботы, и еще несовершенное знание игры самими инструкторами – не все одинаково справлялись с поручениями.

Через месяц на рекламных щитах уже пестрели афиши: «Кубок города по ручному мячу». Это была проба сил. В играх участвовало всего восемь команд. Техника игры, как потом острили сами спортсмены, «хромала на обе руки», но команды сражались азартно, и главная цель – привлечь к ручному мячу внимание – была достигнута.

После розыгрыша кубка организовалась секция ручного мяча, и с ее деятельностью кое-кому из руководителей спорта приходилось теперь считаться. Члены секции стали выпускать стенную газету «Ручной мяч». Пропагандисты нового вида спорта с помощью обкома комсомола издали «Пособие по технике и тактике игры для физкультурников районов области». Скоро оттуда посыпались просьбы: «Приезжайте, помогите организовать команды». В отличие от футбола, требующего сравнительно дорогого снаряжения, команде ручного мяча нужны лишь майки, трусы и тапочки, местом состязаний может служить и футбольное поле, и площадка меньших размеров, и это особенно привлекло сельских физкультурников.

По путевкам обкома комсомола в районы выехала группа молодых тренеров. Их лекции слушали со вниманием, но самым полезным оказалось «показательное приложение» к ним. Придя на поле, «лектор» снимал ботинки и, оставшись в майке и трусах, демонстрировал все приемы игры, объяснял правила судейства. Так были созданы команды в районных центрах Елань-Колене, Острогожске, Павловске, Калаче.

В конце лета был объявлен розыгрыш кубка обкома комсомола по ручному мячу. Заявки подали двадцать пять коллективов. Это явилось проверкой работы общественных тренеров и судей. Сельские команды, как правило, оказывались слабее городских, однако не всегда. В финал неожиданно вышли игроки Павловского района. Они хотя и уступили кубок воронежским суворовцам, но показали себя достойными противниками.

Сезон закончился первенством вузов города, из которого победителем вышла команда сельскохозяйственного института. Теперь уже никто не сомневался в достоинствах новой игры. В том, что ручной мяч «игра стоящая» и что ее хорошо приняла молодежь, нетрудно убедиться, заглянув в спортивный календарь области на предстоящий сезон. Ручному мячу здесь отведено место наравне с футболом и гимнастикой.

Приказом Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР за активную работу по созданию в области команд ручного мяча награждены почетными грамотами тренер-общественник Вадим Янушевский, первый секретарь Воронежского обкома ВЛКСМ Николай Журавлев и другие.

Этим летом намечены розыгрыши первенства области и кубка обкома ВЛКСМ для мужских и женских команд, первенства районов, соревнования юношеских команд на приз газеты «Молодой коммунар» и другие.

Воронеж. 26 апреля 1956 г.

Зеленый клад

Каждый раз, когда мне по делам службы приходится бывать в Бутурлиновском районе, я всегда стараюсь выкроить часок-другой и уж обязательно заверну к Ивану Петровичу Бутко. Домик Ивана Петровича приютился на самом берегу тихой речонки Осеред. Он утопает в густых зарослях вишенника и какого-то неведомого мне кустарника. Лохматая собака с лаем бросается навстречу, но, узнав меня, виновато бежит взад-вперед, пока я иду от калитки к дому. Сам хозяин обычно сидит на завалинке или работает в саду. После приветствия старик идет в амбар и в алюминиевой чашке приносит уцелевшие с прошлого года ароматные «бельфлер-китайки» или моченные по какому-то особому рецепту янтарные антоновки.

Иван Петрович – страстный садовод, и наш разговор всякий раз, после того, как выложены городские новости и дана «должная оценка международному положению», переходит к любимой нами обоими теме. Говорит больше Иван Петрович, я же с интересом слушаю нехитрые рассказы о том, как прижился в Сибири выведенный им сорт яблок, о нашествии зайцев в сад этой зимой, о том, сколько килограммов винограда было собрано с куста...

Рассказывает старик с увлечением, а когда видит, что я особенно чем-нибудь заинтересован, требует:

– Ты запиши, запиши. Этого, дружок, ни в какой книжке не найдешь.

Еще при первом знакомстве со стариком я узнал, что он в шестнадцать лет «понял красоту земли» и поставил перед собой цель: вырастить в родном селе Березовке виноград, помочь односельчанам посадить столько садов, «чтобы хат не было видно».

Воспоминания о том, как дерзкая мечта заставила шестнадцатилетнего парня ехать «зайцем» на Кавказ – добывать морозоустойчивый сорт винограда, как десять лет пришлось потратить потом, чтобы получить первую кисть, особенно интересны.

– Жизнь прожил не пустоцветом, – определяет пройденные годы Иван Петрович.

Выведено несколько сортов винограда, свои, «березовские» сорта яблок, слив, абрикосов. Уже будучи садоводом с большим опытом, он не переставал учиться. На сороковом году жизни ездил за советом к Мичурину.

В саду вы найдете все чудеса мичуринской гибридизации. Вот яблоня. На одном корне двенадцать разных сортов яблок. Яблоки разные по величине, вкусу и окраске. А вот ветка рябины, привитая на грушу, малина, вишни, смородина, полученные путем скрещивания, кропотливого отбора.

Проходя по этому саду, думаешь: как много может сделать человек, увлеченный мечтой «увеличить красоту земли». Какой это хороший пример для молодежи! Простой, грамотный человек, Иван Петрович Бутко не ставил перед собой научных целей, он думал только о том, чтобы его родное село было красивым и чтобы в садах было побольше культурных, полезных растений. Свою мечту он сделал целью жизни, овладел увлекательной профессией садовода, боролся с тысячами трудностей, был терпелив, непреклонен – и побеждал. Простой колхозник проделал десятки экспериментов, достойных ученого.

Война изменила облик Березовки. И хотя уже давно отстроены хаты, но нет в селе прежнего зеленого убранства. Только кое-где островками темнеют постаревшие сады.

– Года два назад еще терпел я эту картину, а теперь – нет, не могу смотреть равнодушно, – говорит старик. – Жизнь, куда ни посмотришь, в гору идет. С богатством село и красоту обретать должно, а нешто это красота, ежели с одного конца деревни видно, как на другом сосед до ветру пошел?

Печально видеть, что не все нынче знают цену «зеленому кладу». С горечью говорит Иван Петрович о молодежи Березовки, безразличной к облику своего села.

– Раньше как бывало? Хату человек еще не поставил, а уж сад посадил. Теперь же у дома молодой семьи часто можно видеть антенну радиоприемника, а вот яблоню не всегда встретишь.

Слушая старика, я думаю не только о Березовке. В Бутурлиновском районе есть село с ласковым, уютным названием Озерки. Но ожидание уюта рассеивается сразу же, как въезжаешь в него. Редко-редко увидишь здесь деревцо. Скучно, пустынно, даже тоскливо.

Как же так? В наших селах мало сейчас молодых людей, которые не окончили бы семилетку, а то и среднюю школу. Стало быть, все они знакомы с основами ботаники, с работами Мичурина, знают перекрестное опыление, гибридизацию и многое другое, а садов все-таки мало. Не значит ли это, что в школах не помогают понять молодым людям, как выражается Бутко, «красоту земли».

Эту мысль подтвердила поездка в село Козловку того же Бутурлиновского района. Трудно поверить, что оно находится в каких-нибудь десяти километрах от Озерков. Сады, сады. Больше молодые, посаженные два-три года назад. И сейчас по дороге из Бутурлиновского питомника сюда тянутся вереницы людей с молодыми деревцами, обвязанными у корня мешковиной. Говорят: в Козловке старые садоводческие традиции. Это верно. Но ведь во многих деревнях росли раньше сады. Значит, дело в том, чтобы уметь хранить хорошие традиции.

Спросите любого жителя Козловки, чей сад лучший на селе. Вам ответят: учителя Родиона Кирилловича Рогатиева. В Козловке у каждого учителя свой сад. Большой сад и возле школы. Это знаменательно. Как влияет на ребят личный пример учителя – каждому известно. Учитель может тратить сколько угодно слов о пользе садов, рассказывать о передовых методах их выращивания, но если, проходя мимо дома учителя, школьник видит, что сам он ничего, кроме картофеля и лука, не растит, вряд ли западут в душу ребенка хорошие слова о пользе зеленых насаждений.

Обидно слышать: семидесятилетние старики беспокоятся о зеленом облике села, а молодежь проходит мимо равнодушно.

В Бутурлиновке мне дали записку. Привожу ее полностью: «Тов. Саратовский и Бондарь. Спилите две груши у тов. Копия Ив. Св. Отвечать буду я. Председатель колхоза Спельник».

Это пишет безграмотный, никудышный человек. Прикрываясь борьбой за подъем сельского хозяйства, он для отапливания свинофермы вырубил в селе Марьевке колхозный сад и, как видно из этой записки, добирается до садов колхозников. Безусловно, он ответит за свои дела, но уничтожен сад! И это все делалось на глазах комсомольцев колхоза. Как же они допустили это? Неужели стук топора о вековые деревья не отозвался в их сердцах? Они создавали в свое время посты по борьбе с потерями урожая, а тут, как видно, духу не хватило стать к дереву и сказать: «Не дадим рубить!». Равнодушие погубило красоту села. А ведь там нынешним комсомольцам предстоит жизнь прожить.

Иван Петрович показал мне вырезанную из газеты заметку, где рассказывается о том, что в совхозах на целине комсомольцы сажают сады и им для поливки деревьев приходится возить воду за много километров. Не стыдно ли нам, хозяевам обжитого края, мириться с запустением наших сел?

Не каждый в деревне может быть таким страстным садоводом, как Бутко, но посадить у дома и бережно растить полтора-два десятка деревьев под силу любому человеку. Да почему бы в селах не появиться и таким пытливым садоводам-экспериментаторам, как Бутко? Сотни юношей и девушек, оканчивая школу, решают вопрос: кем быть? И диву даешься: как это они проходят мимо увлекательной профессии садовода?

Во многих колхозах сейчас посажены сады. Но молодежь в них не часто встретишь. Вот, к примеру, сад колхоза имени Кагановича в той же Березовке. Яблони, груши, сливы,

виноград – все лучших сортов, собранное здесь руками хороших людей. Саду каких-нибудь пятнадцать – восемнадцать лет, но как он запущен! Трудно пройти от дерева к дереву – бурьян, чертополох, дикий терновник. Старик-инвалид да еще двое пожилых колхозников работают в саду. Кое-как собирают они то, что может дать он без ухода, без подкормки, без большой культуры ведения хозяйства. Но даже и это составляет 40–45 тысяч рублей дохода.

Если сад очистить от бурьяна, окопать деревья, заложить угодники, по-настоящему взяться за выращивание винограда, заботливо ухаживать за деревьями, то, по самым скромным подсчетам, доход от сада повысится в пять раз.

Кто же должен отрыть этот клад в 150, 200, 500 тысяч, в миллионы рублей, который может дать сад в любом колхозе? Кто придет на смену Бутко и другим старикам-садоводам? Конечно же, молодежь!

Село должно быть таким, как мечтает Бутко: доходные сады, ряды деревьев на улицах, аллеи за околицей, зеленые коридоры вдоль дорог, ивы над речками и прудами...

Это будет зеленое царство с миллионами деревьев. Вырастить их мы сможем, если приложим к работе миллионы наших молодых рук. Работы не на одну «неделю сада». Мы должны выйти в большой многодневный поход за «зеленым кладом». Возьмем в этот поход нашу любовь к природе, знания, полученные в школе, опыт, накопленный нашими отцами и дедами, горячее стремление «увеличить красоту земли». В народе говорят: плохой человек, если не посадил дерева. Возьмем в поход эту поговорку.

Широким фронтом выйти на борьбу за зеленое богатство наших сел – прямой долг молодых наследников Мичурина.

Воронеж. 23 мая 1956 г.

Рождение лесного озера

К ребяташкам, бросавшим камешки в воду, подошел лесник. С минуту он наблюдал, как ловко брошенные ребятами лепешки сухой глины выделяются на зеркальной глади воды чечетку и тонут у того места, где в воду глядятся нарядные березы.

– А ведь летом этой воды не будет, – заметил лесник.

Кто-то из ребят хотел возразить: какую, мол, новость сказал, и сами знаем, что летом воды здесь остается с блюдце, но лесник опередил.

– Раньше в этом озере купались. Люди на гулянье сюда ходили. Вот если б сделать плотинку, чтобы вода не уходила из озера, да прочистить ключи, что впадают в него, тогда бы летом тут купаться, как и раньше, можно было бы. Одному человеку это не под силу, а сообща можно бы сохранить воду...

В этот же вечер у семиклассников 69-й школы станции Графская состоялось деловое совещание. А на другой день после занятий они направились в лес с тачками, носилками и лопатами. Выследившему их пятикласснику они многозначительно сказали:

– Строим ГЭС – только держи язык за зубами.

«Разведчик» видел, что никакой ГЭС «строители» строить не собираются – будет просто запруда в метр вышиной, однако не разочаровался и, конечно же, не стал «держат язык за зубами». Вся школа узнала, что семиклассники хотят удержать воду в лесном котловане. С тачками и лопатами в лес теперь направились целым отрядом.

Зачинатели работы Стась Брыксин, Саша Париной, Коля Бунин не стали возражать против вторжения в их «тайный союз строителей ГЭС» новых членов – одним все равно бы не справиться. И совсем успокоились, когда ребята единодушно присвоили им звания «прорабов».

На тачках возили песок, дерн. Ключ, вытекающий из озера, был остановлен. Рассчитывали, как велик будет уровень воды после дождей, выше этого уровня подняли запруду, посадили на ней молодые деревца, чтобы не размывало, прочистили текущие в ложбину чистые ключи.

Теперь будет работать новая для школы секция плавания. Придут к березкам у воды взрослые. Они скажут ребятам спасибо.

Фото автора. Воронежская область. 3 июня 1956 г.

Песни села Колыбелки

Ровно год назад в сенокос случилось мне плыть по Дону на пароходе. Ближе к полуночи остались мы на палубе вдвоем с капитаном. Он все время молчал, а когда из-за яра светлячками замигали огни какой-то деревни, тронул меня за руку:

– Послушайте, поют...

По взволнованному голосу я понял, что капитан уже не в первый раз слышит в этом месте песню.

– Как поют... Красота! – вздохнул капитан и добавил: – И сочиняют ведь сами...

– Как называется это село? – спросил я.

– Колыбелка, – отозвался капитан.

Колыбелка... Бывает вот так: останутся в памяти слово и песня. Песню услышишь – слово вспомнится, слово услышишь – песня придет на ум. Так было и на этот раз.

– Сейчас будет Колыбелка, – сказал мне шофер попутного грузовика, на котором мы добирались до районного центра Лиски. И тотчас же вспомнились ночь над Доном и девичья песня. Захотелось побывать в селе, а если придется – и увидеть певцов.

Был яркий, солнечный полдень, какие обычно стоят в сенокосную пору. Колыбелковцы, верные, видимо, старым традициям по-праздничному одеваться на сенокос, в ярких платьях и сарафанах, белых рубашках и платочках, с граблями и косами на плечах потянулись к куще деревьев, где вился сизый дымок колхозной кухни.

Здесь в обеденный перерыв я второй раз услышал песни колыбелковцев. Песни исполнял хор в народных костюмах, наспех надетых здесь же, за «кулисами» из двух рядом поставленных возов сена. Только в самом начале концерта люди делились на певцов и слушателей. По мере того как песня овладевала слушателями, они тоже присоединяли к ней свои голоса.

Несколько песен мне были незнакомы.

– Это наш, колыбелковский, написал, – охотно поведал мне сосед-старик. – Виктор Козинцев. Вон он лежит у копны.

Тут, на сенокосе, я и познакомился со многими знаменитыми колыбелковскими певцами, с теми, кто, по словам старика, «песне рождение дает». Виктор Козинцев оказался школьным учителем. Сам он когда-то учился здесь же, в Колыбелке, у Ивана Филипповича Скорика.

Иван Филиппович принадлежит к той породе людей, которые жить без песни не могут. Эту страсть Иван Филиппович передает своим ученикам. А учеников у него за 30 лет работы в Колыбелковской школе было немало. Из них Виктор Козинцев оказался самым способным песенником.

Молодой учитель написал много песен. Слова тоже его. Где только не поют сейчас его песни – нежные, поэтичные! И называются они как-то особенно: «Наша светлая даль», «Утро берегом идет», «Тихий вечер мая».

Есть в Колыбелке и другой человек, влюбленный в песню и в свою скромную профессию заведующего клубом, – Наташа Недикова.

Я узнал, что зимой Наташа с помощью комсомольцев привела в порядок и хорошо украсила клуб. И каждый день здесь было что-нибудь интересное. Летом свой досуг молодежь проводит на воздухе. Наташа и тут сумела найти свое место. «Где Наташа, там и клуб», – говорят в Колыбелке. За длинный летний день девушку встретишь и на сенокосе, запевающую песню, и на полевом стане – с пачкой газет и журналов. Она успевает побывать везде: в летнем лагере животноводов, в будке у трактористов, на дальнем отгоне у пастухов.

– В каждом человеке есть свой огонек, – говорит Наташа. – Надо только поддержать его... У нас даже в самом маленьком коллективе свой организатор досуга, остро слов, чтец, танцор, затейник, запевала...

Уезжал я из Колыбелки вечером. По пыльной дороге навстречу тянулись скрипучие возы сена. На последней подводе, спиной ко мне, сидел черный от загара парень с новенькой, видимо, недавно купленной гармошкой. Рядом с ним – две девушки в полинявших на солнце сарафанах. Парень, склонив голову набок, старательно отыскивал на клавишах нужные звуки. Девушки нестройно, вполголоса следовали за напевом.

Увидев, что я остановился и слушаю, обогнавший меня колхозник, как бы извиняясь, сказал:

– Наши, колыбелковские. Учатся... – и добавил: – А песня у них обязательно получится...

Фото автора. 5 августа 1956 г.

«Зеленые» берут верх

– Телеграмма! Телеграмма от министра!

Не часто приходят на стройку телеграммы от министра, а ребята, которым от роду всего по 18 лет, может, ни разу в жизни еще не видели телеграммы с ярко-красной надписью: «Правительственная». Телеграмма побывала в конторе, обошла уже не одну бригаду и теперь попала к каменщикам. Подошел бригадир Александр Тимофеевич Медведьев:

– Не томи, Колюха, читай!

«Сердечно поздравляю коллектив строителей первого управления треста «Электро-стальстрой» с победой в соревновании, присуждением переходящего Красного знамени министерства и премии в 78 тысяч рублей...».

– Вот ты, Колька, нас первый обрадовал телеграммой, – заговорил озорным голосом Володя Букин. – А если бы ты, Скальченков, вдруг стал министром и тебе в телеграмме надо было бы назвать самых лучших по именам, кого бы ты похвалил?

– Если бы я был министром, – опередил Колю Саша Базаров, – первую премию и сто спасибо отвалил бы Ивану Ивановичу Сорокину. Вспомните, как здорово он наладил со своей бригадой установку крупнопанельных перегородок. А рационализаций у кого больше? В его бригаде.

С этим мнением все согласились. Далее пошли имена плотников из бригады Семена Зубака, бетонщиков с производственной базы, поставлявших на стройку сборный железобетон, маляров.

– Ну, а вы, Александр Тимофеевич, кого бы помянули? – окликнул бригадира паренек с льяными волосами – Петя Коровин.

– Уж я бы вас не обидел, – понял намек старый бригадир.

Электросталь – город большой стройки. За последние годы для рабочих местных заводов сдано 150 тысяч квадратных метров жилья. На пятилетку запланировано еще 198 тысяч. На стройке выросло целое поколение молодых строителей.

Второй месяц красный вымпел «Лучшей бригаде» развевается на объекте, где работают молодые каменщики. Все, кто проходит мимо, знают: тут работают лучшие люди стройки – комсомольцы Петр Коровин, Александр Базаров, Владимир Букин, Николай Скальченков, Юрий Павлов, всего 32 человека.

На снимке (слева направо): П. Коровин, А. Базаров, В. Букин, Н. Скальченков.

В шутку друзья эту передовую на стройке бригаду называют «зеленые». А появилось это странное на первый взгляд прозвище года полтора назад, когда только что окончившие ремесленное училище хлопцы пришли на стройку. Тяжелое это было время и для самих ребят и для бригадира, которому их «подсунули»: за день едва полкубометра кладки делали, да и это часто в брак шло. Зарабатывали мало, бежать со стройки собирались. В довершение всего появилась в городской газете заметка: «Самая отстающая бригада». Каково было читать ее старому мастеру, привыкшему за двадцать лет работы на стройке только к благодарностям? Но на собрании, где обсуждалась заметка, он занял неожиданную позицию:

– Ничего, выправимся. Ведь ребята-то, посмотрите на них, зеленые еще.

И кто знает, может быть, с этого вечера Александр Тимофеевич и стал для ребят «дядей Сашей», а дела в бригаде в гору пошли.

Можно было бы долго рассказывать, как нелегко было старому каменщику воспитывать «зеленых». Но многое теперь уже позади.

– Хорошие работники растут, – говорит бригадир. – Все молодцы! По характеру, как эти вот пять пальцев, разные. Володька Букин собирается в вечерний техникум, но трусит – надо нам сообща подбодрить парня. Сашка Базаров – фантазер, мечтает купить «Москвича». Я не отговариваю, пусть мечтает. Может, и вправду купит.

Знает Александр Тимофеевич, кто из ребят собирается жениться, кто хочет поехать на целину, а кто мечтает путешествовать по Крыму. Знает он, какое место занял на соревнованиях в Москве боксер Юрий Павлов. И уж, конечно, до тонкости изучил ребят в работе. На стройке не просто вырабатывать полторы нормы в смену. Но в бригаде каменщиков рядом с флажком «За первенство» каждый вечер вывешиваются цифры: «150 процентов»...

Заканчивая этот репортаж, хочется продолжить разговор ребят в связи с телеграммой министра. Если бы в ней действительно пришлось проставить имена лучших, то одной из первых в списке должна была бы стоять фамилия славного рабочего, талантливого воспитателя «зеленых» Александра Тимофеевича Медведьева.

Фото автора. 9 августа 1956 г.

Классика физкультуры

Любят играть в лапту в селе Красном.

Этот вид спорта не был представлен на Спартакиаде. И все же стоит сказать несколько теплых слов об игре, которую можно назвать «классикой физкультуры», игре, в которую играли в деревне наши деды, да и сейчас ее многие любят.

Как только сходит снег, ребяташки отыскивают тугой мяч, вырезают прочную палку. Игра в лапту началась!

Да что ребяташки! По праздникам за околицу села собираются нарядные парни, девушки. Порой, глядя на молодежь, не выдерживают и люди преклонных лет. В азартной, увлекательной игре проверяются удаль, сноровка, выносливость.

Лапта – подлинно народная массовая игра. Однако в последние годы о ней почему-то забыли. А зря. Игра интересная, а главное, полезная. Что требуется от игрока в лапту? Сильно и метко бить палкой по мячу, быстро бегать, без промаха посылать мяч в бегущего противника. Стало быть, человек получает разностороннюю физическую подготовку.

Для лапты не требуются спортивные сооружения, инвентарь, инструкторы. Нужен только хороший организатор. Таким, например, стал в селе Красное Бутурлиновского района Воронежской области секретарь колхозных комсомольцев Дмитрий Самойленко. Он сумел увлечь игрой всю молодежь. Лапта стала непременной на всех сельских праздниках.

Лапта стоит того, чтобы ее пропагандировать в специальной спортивной литературе, посвятить ей красочные плакаты.

Фото автора. 9 сентября 1956 г.

Солнце под кистью

Хороша минута, когда закончена работа и можно порадоваться делу рук своих. На этом снимке вы видите бригадира маляров Шуру Фроликову. Ей немногим больше двадцати лет, но имя ее хорошо знают на стройках города Электростали.

Недавно комиссия принимала пятиэтажный дом с большим магазином в первом этаже. Люди в комиссии придирчивые, склонные больше взыскивать, чем хвалить, но тут они пожелали увидеть мастера и сказать ему спасибо: так добротнo и красиво было отделано помещение магазина.

Председатель горисполкома крепко пожал девушке руку, а старый маляр, член комиссии, растрогавшись, расцеловал Шуру.

– Молодец, Шура, на большую дорогу вышла, – сказал он.

Шура хорошо поняла старого маляра. Еще девчонкой не раз она наблюдала, как где-нибудь на пятом этаже, пристроившись в зыбкой люльке, маляры красили стены. И всегда было приятно видеть, как под кистью маляров стены дома становятся нарядными, светлыми, словно на них солнышко брызнуло своими лучами. Может быть, с этого времени Шура полюбила запах краски и веселую, праздничную работу маляра. Подруги в школе мечтали стать киноактрисами, врачами и посмеялись над Шурой, когда она однажды призналась, что думает стать маляром.

Повзрослев, подруги поняли, что не все могут стать киноактрисами, и пошли на завод. Потянулась за ними и Шура...

Хорошая профессия – токарь! Не последней работницей была Шура на заводе в Ногинске. Но, возвращаясь домой, она ловила себя на том, что идет более длинной дорогой, лишь бы пройти мимо стройки. Дразнили запахи свежеструганных досок, олифы в кладовке маляров...

– Не прогадаешь, Шура? – спросил начальник отдела кадров завода, давая девушке обходной лист расчета.

– Думаю, что нет, – возможно уверенней старалась ответить Шура. Ведь на стройку ее брали пока разнорабочей.

Если человек упорно стремится к своей цели, он непременно ее достигнет. Шура стала работать в бригаде маляров, а через год уже была лучшим маляром стройки.

В прошлом году ее послали учиться в школу мастеров при Харьковском строительном техникуме. За год девушка освоила передовые приемы труда и увезла домой свидетельство мастера с отличными оценками.

Теперь Шура хорошо знает штукатурные и лепные работы, может выполнять сложную роспись потолков и стен. Глядя на ее работу, порой трудно сказать, где кончается маляр и начинается художник. О плохих художниках говорят: он маляр. О талантливом маляре комсомолке Шуре Фроликовой хочется сказать: это художник.

Фото автора. 14 сентября 1956 г.

Целинный каравай

Матери вздыхали и подносили к глазам платочки, а ребята плясали и пели возле вагонов. Так начиналась целина. Потом палатки, костры бессонных ночей, первая борозда, прямая и длинная-длинная...

Мне несколько раз пришлось быть на целине. Много волнующих впечатлений оставил день первой борозды. Обветренные лица трактористов, земля, перемешанная с ковылем, косой полет спугнутых орлов. Но самые яркие воспоминания о целине связаны с первым урожаем. Все было окрашено только в две краски. Голубое небо и желтая пшеница. Пуды, вагоны, составы хлеба качались под степным ветром.

На сыпном пункте девушка, проверявшая влажность зерна, казалась смелой альпинисткой, покорившей желтую гору. Не хватало людей, машин, поездов, чтобы взять у земли щедрую плату за первую трудную весну, за ночлеги под звездами, за кровавые мозоли на руках, за все лишения первого целинного года...

В блокнотах записки событий, интересных встреч, фотографии людей, ставших героями. Я видел этих людей в промасленных фуфайках, с воспаленными глазами и нарядных, с золотыми звездами на груди, когда они шли по просторным кремлевским залам. Очень интересные люди, очень интересные судьбы! Но, перебирая негативы, я намеренно выбрал самого обыкновенного парня. Настолько обыкновенного, что в свое время я не догадался записать его фамилию. И все-таки хорошо помню его. Веселый, с непокрытой головой, закатанными выше локтя рукавами. Звали его Митроша. В шутку к имени прибавляли еще и прозвище «Ключ». Так и говорили: «Митроша Ключ». За что такое странное прозвище? Может, за то, что он каждую свободную минуту с ключом в руках «ослушивал» свою машину, а может, прозвище имело другой смысл: ключ – родник...

Был самый разгар уборки. Я жил в палатке вместе с целинниками и приехавшими им на помощь студентами из Омска. Работа не утихала и ночью. Шоферы едва-едва успевали увозить хлеб из-под комбайнов. Возле палаток росли пшеничные горы. И вдруг у этих хлебных гор мы остались без хлеба.

Снабжавшая нас пекарня неожиданно стала на ремонт. Сказали, что хлеба не будет неделю. До города триста с лишним километров – разве можно гнать туда машину, если каждый час на учете? Добыли мешок муки, – но что с ней делать? В лагере все молодые и

почти все горожане – хлеб ели из магазина и, конечно, не знали, как его пекут. Попробовали делать лепешки. Но они напоминали каучуковую подошву от ботинок. Приуныли ребята – за обедом ведь хлеб всему голова...

* * *

На четвертый день утром, когда собрались завтракать, на столе неожиданно появился большой каравай еще теплого хлеба. Румяная потрескавшаяся корочка и запах!.. Все признались, что никогда не пробовали хлеба вкуснее. Тут же всем был представлен и пекарь. Это был Митроша. Оказывается, с самого вечера он возился на кухне. Каким-то чудом заквасил тесто, прямо в земле соорудил подобие печки с глиняной «духовкой». За два дня Митроша научил печь хлеб и повариху, и двух других девушек...

До сих пор помню пахнувший дымком хлеб из первого целинного урожая. И портрет Митроши у меня, к счастью, сохранился. Снял я шофера во время полевого обеда. Заметив в руках у меня аппарат, Митроша лукаво прищурился.

– Сделай милость, увековечь!..

Помню я и последний разговор с Митрошей.

– Домой, на Орловщину, не тянет?

– Да скучаю маленько... У меня ведь там... – Митроша выразительно прислонил ладонь к сердцу: – Вот. Пишет – приеду. А раз так, зачем же уезжать отсюда. Простор для жизни такой...

Разглядывая фотографию, я живо вспоминаю веселого парня. Именно вот такие ребята, умеющие обедать на ходу, чинить машину в степи, умеющие хлеб испечь и рану перевязать, стали хозяевами бывшей целины.

Фото автора. 16 сентября 1956 г.

«Доктор» комбайнов

Случалось ли вам видеть бездействующий комбайн среди моря созревших хлебов? Ветер клонит к земле тяжелые колосья. Из них на землю неслышно падают золотые зерна. «Убирай! Убирай!» – кажется, шелестит пшеница. Но машина не двигается с места.

Не спешите винить комбайнера. В степях бывшей целины их работают тысячи. Есть среди них очень опытные, а есть такие, что первый год стали за штурвал. Опытный сразу сам устранит неисправность. Новичок же вытрет промасленным рукавом вспотевший от напряжения лоб и, стыдясь проходящего человека, скажет: «Заело, брат...». В глазах его вы прочтете: «Понимаю, что сейчас ни минуты стоять нельзя. Делаю все, чтобы исправить машину...». Но комбайн не оживает. Как человеку, неожиданно и тяжело заболевшему, машине нужна скорая помощь. И как больной человек облегченно вздохнет, увидев доктора, так и комбайнер воспрянет духом, заметив в степи крытый кузов машины технической помощи. Пройдет полчаса, а то и меньше, и вот молодой комбайнер уже благодарно улыбается с мостика своему спасителю: комбайн пошел...

На этом фотоснимке вы видите шофера передвижной авторемонтной мастерской комсомольца Алексея Афонькина. Механизаторы целинного совхоза «Цветочный» прозвали его «Лешка – скорая помощь». Это лестное прозвище товарищей комсомолец получил не случайно.

– Степь не город. По телефону помощь не вызовешь, но Алеша словно чувствует, где он нужен, – говорят комбайнеры и трактористы. – Чуть заглохнешь – он уже тут как тут.

Объясняется это очень просто. Алексей очень хорошо изучил каждый агрегат, работающий в степи. Знает, где и что может подвести. И людей тоже изучил. К комбайну Каспера Бельмана можно часто не заглядывать – сам в случае чего справится. А вот к недавним выпускникам училища механизации Виктору Лымарю и Михаилу Пешкову надо постоянно наведываться. И не только когда машина встанет, а когда и работает. Стать рядом с комбайнером на мостике, пройтись кружок... Опытный Алексей сразу видит, чем «дышит» машина и каков у комбайнера «почерк». Так ведь и предупредить поломку легко и знаешь, какую помощь в случае остановки надо готовить агрегату...

– Алексей сберег нам десятки дорогих часов работы на жатве, – говорят в совхозе «Цветочный».

Это лучшая похвала ремонтнику Алексею Афонькину.

Фото автора. 25 сентября 1956 г.

Вот наша деревня, вот мой дом родной

Село-сад

Идешь по этому селу, и перед каждым человеком хочется снять шапку – красиво живут люди. Дело не в том, что каждый домик здесь как-то особенно опрятен. Главное – зелень. Тополя, вербы, березы, клены толпятся вдоль дороги далеко за околицей, а чем ближе к селу – меж стволов зеленой изгороди начинают проглядывать яблони, груши, вишеники...

Добрая слава идет о садоводах Дмитриевки.

– Сколько в селе садоводов? – спросил я у всеми уважаемого старого колхозного садовода Апанаса Трофимовича Поливанова. Он с минуту подумал, а потом окликнул счетовода:

– Михайло, сколько у нас в колхозе хозяйств? Полторы тысячи? Ну вот, столько и садоводов. Нет у нас ни одного дома без сада. Потому нередко Дмитриевку так и называют: село-сад.

В хороший год личные сады колхозников приносят по 7–10 тысяч рублей дохода. Полтора миллиона рублей дохода дает колхозный сад, занимающий площадь в 600 гектаров. Богатство не маленькое, и было приятно узнать – у наследников этого богатства, нынешней молодежи села, надежные хозяйские руки.

Только за прошлую весну комсомольцы колхоза посадили вдоль улиц, на площадях и у домов около 20 тысяч деревьев. На пятьдесят гектаров расширяется колхозный сад. В колхозе заложен свой питомник плодовых деревьев. Но самое важное – в селе растут грамотные, культурные садоводы.

С гордостью называет Апанас Трофимович имена молодых садоводов, у которых ему, старику с пятидесятилетним стажем, уже есть чему поучиться. Иван Шаповалов, например, выращивает невиданные для села южные фрукты: абрикосы, виноград. Таких молодых экспериментаторов немало в Дмитриевке.

Иван Ясенков, Нина Тимченко и Зина Славгородская.

«Комсомольский фундамент»

Эти необычные слова я впервые услышал в правлении колхоза. Кончилось вечернее распределение нарядов. К председателю Андрею Дорофеевичу Позднякову с просьбой выделить строительные материалы подошел пожилой колхозник. Председатель сделал на бумажке какую-то пометку и, возвращая ее колхознику, спросил:

– Строишь-то как, Кузьмич, прочно?

– Да уж слава богу, – с улыбкой ответил колхозник, – на «комсомольский фундамент» хату поставил.

– Это что же за фундамент? – спросил я Андрея Дорофеевича, когда мы остались вдвоем. Вот что он рассказал.

Село Мало-Михайловка почти начисто было сметено войной. В первые годы после войны нечего было и думать о капитальном строительстве. Лепили хаты кто как мог – была бы крыша над головой. Но вот пришла пора перестраивать село. Шутка ли сказать, сколько сразу строительных материалов потребовалось. И так и так прикинули на общем собрании. Не здорово размахнешься: одних кирпичей требовалось миллионы штук. От этой бухгалтерии многие повесили носы. Тогда взял слово комсомолец Иван Ясенков:

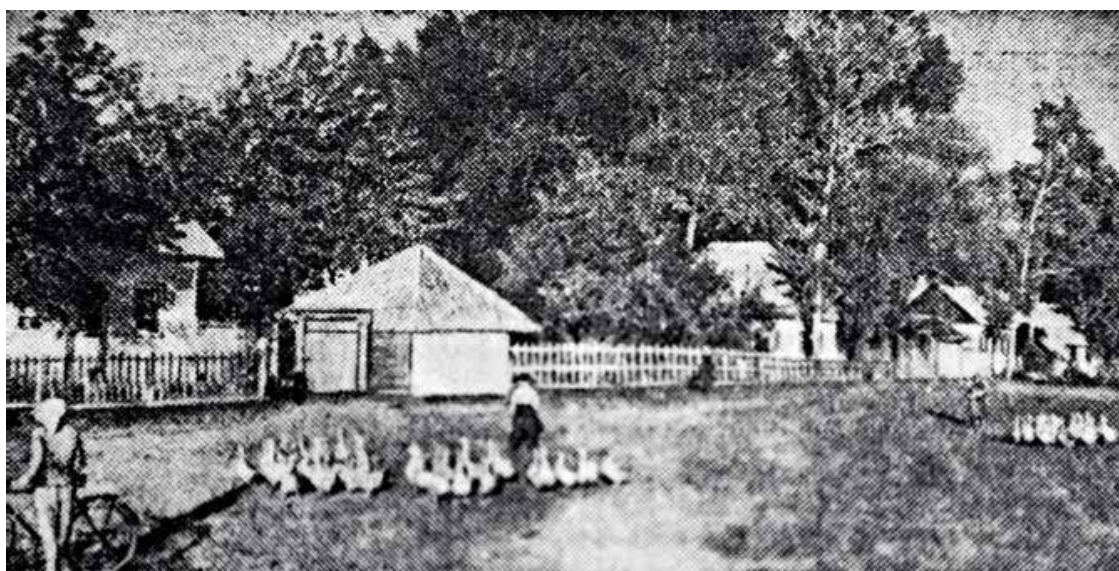
– Нечего и думать о хороших домах, если свой кирпичный завод не построим.

На него было зашикали. Что, мол, чепуху мелешь, никто отродясь в селе не делал кирпича, а тут завод... Ничего не выйдет. Однако Иван нашел себе единомышленников и сумел

убедить правление. Ему и поручили строить завод. Трудностей сколько было! Никогда не имевший дела со строительством, Иван обзавелся чертежами, расчетами. Много раз возил он свою бригаду «кирпичников» на городской завод смотреть, как делают кирпичи.

Николай Скориков возле своего дома.

Одна из улиц села Дмитриевки.

...День и ночь пылает печь. Всем процессом – от замеса глины до выгрузки готовых кирпичей управляют 25 молодых «кирпичников».

– Сначала не ладилось дело, – рассказывает нынешний «директор» завода Иван Ясенков, – немало кирпича в брак пошло. Но теперь нашим формовщицам и обжигальщицам

Галине Тимченко, Зине Славгородской, Нине Тимченко и другим старые мастера позавидуют...

То и дело подъезжают к заводу колхозные машины, подводы. Кирпич отвозят на строительство нового коровника, сельского магазина, больницы, бани, к домам колхозников. Правда, завод только начал работать и полностью всех удовлетворить не может. Поэтому кирпич выделяется пока только для кладки печей и фундаментов.

В будущем году завод даст миллион кирпичей. Появятся новые кирпичные дома. На хорошем фундаменте началось строительство в селе Мало-Михайловке!

Премированная хата

Было это весенним вечером. Комсомольское собрание уже исчерпало повестку дня, когда заглянувший на огонек председатель колхоза неожиданно взял слово:

– Много вы тут говорили, хлопцы, о колхозном хозяйстве. Это хорошо. Но вот прошел я сегодня по селу и должен сказать: плохие вы хозяева. Хаты ваши облуплены, возле – ни кола, ни двора. Наше село будет благоустроенным, если каждый человек будет держать в порядке свой дом и усадьбу. Вот и возьмитесь за дело. А осенью скажете, у кого лучшая хата. Лучшему молодому хозяину – не поскуплюсь, выдам премию.

Так вот и начался «конкурс» на лучшую хату в колхозе имени Андреева. В неписаных условиях «конкурса» были такие пункты. Хата, пусть даже крытая соломой, должна иметь «бодрый вид»: хорошо оштукатурена, побелена. У хаты чтобы было крылечко, огороженный палисадник с зеленью, чистый дворик и обязательно молодой сад...

За одно только лето заметно изменился облик колхозных сел Мало-Михайловки и Вознесеновки. При активном участии комсомольцев построены новая школа, детские ясли, отремонтированы три клуба, строятся медпункт и баня. Заново построено сто домов колхозников. Помолодели и старые хаты: у них появились палисадники, дворики. За хорошую работу энтузиасты благоустройства получили специальную премию Белгородского облисполкома.

Подвели итоги соревнования по благоустройству и комсомольцы. Лучшим хозяином в селе оказался молодой колхозник Николай Скориков. Он опередил всех на «комсомольском конкурсе».

Фото автора. 9 октября 1956 г.

Поход за миллионами

Думать все 12 месяцев

Месячник рационализации. Хорошо это или плохо?

– Наверняка хорошо, – поспешил я ответить на вопрос начальника бриза Александра Егоровича Федина.

– Может, вы и правы, – улыбнулся мой собеседник, – но у нас на заводе все иначе обернулось.

Месячники на заводе проводятся несколько лет. Но в конце прошлого года откровенный разговор на комсомольском собрании шестого цеха вскрыл всю несостоятельность кампанейской рационализации. Ведь как было: завод брал обязательство внедрить столько-то усовершенствований. Каждый цех получал свою «долю», а когда видели, что план сбора рационализаторских предложений не выполняется, назначался месячник. Тут уж начальники цехов и мастера старались, требовали: «Давай-давай, ребята, хоть что-нибудь». Брели все, что под руку попадало. Были, конечно, и дельные предложения, но кончался месячник, и все утиhalo. В апреле прошлого года штурмом набрали 134 предложения, но уже в следующем месяце только пятьдесят, потом двадцать... Получалось, что над улучшением производства думали только один месяц в году и то не как следует.

Рационализаторы Сергей Илюшин (слева) и Анатолий Лапухов.

– Посмотрите, хлопцы, что получается, – выступал на собрании в шестом цехе Илья Илюшин. – Есть у нас пять-шесть «штатных» рационализаторов. Да разве могут они все производство улучшить! в цехе четыреста рабочих. Каждый может быть рационализатором. К этому надо стремиться.

В цехе была создана комсомольская инициативная группа. Члены группы стали знакомиться с работой каждого человека, сообща искать «больные» места производства. Появились плакаты и листовки о лучших рационализаторах завода.

Заметно увеличился приток предложений. Теперь у инициативной группы появилась новая забота: следить, чтоб предложения рассматривались без задержки. Оказалось, что бриз не в состоянии быстро внедрить все усовершенствования.

– А почему мы должны дожидаться решения бриза? – подсказал комсомольцам мастер участка Александр Рыбак, сам активный рационализатор. – Ведь судьбу многих предложений мы можем решить прямо здесь, в цехе, дело-то ведь не ждет. А комиссия у нас будет авторитетная: начальник цеха, мастера, актив рационализаторов.

Теперь крупные предложения направляются для рассмотрения в бриз, «мелочи» же внедряются без проволочек.

Недавно весь завод встревожила весть: в цехе № 6 могут остановиться сорок станков из-за того, что два основных станка по своей конструкции непригодны для резки заготовок нового заказа. В министерство полетели запросы – выделить специальные станки.

– А может, что-нибудь придумаем со старыми? – пришел в бриз Яков Курочкин, – У меня есть кое-какие соображения...

Начальник цеха, ознакомившись с остроумным приспособлением токаря, одобрил его. Станки становились универсальными. На них можно теперь делать прежние заготовки малых размеров и новые – больших. Линия не остановилась благодаря находчивости рационализатора. А ведь Курочкин был тихим незаметным парнем. Да что Курочкин! В цехе работает шлифовальщица Катя Дмитриева. «Исполнительная, но пороку не выдумает», – говорили в комитете. И вдруг Катя однажды говорит:

– У нас эта плашка сделана или нет? – девушка показала блестящее, как зеркало, изделие. – Не чета прежним нашим.

Оказалось, Катя, втихомолку перепробовав много приемов шлифовки, начала применять специальную эмульсию.

1126 предложений подано за девять месяцев этого года коллективом завода «Фрезер». Внедрение только части их дало два миллиона рублей экономии.

Одно из 1126

Подсчитано, что мастер Иван Комиссаров, изменивший конструкции фрезы, дал 298 тысяч рублей экономии. Но не менее полезны и сотни рационализаторских «мелочей».

– Вот как было, – показывает работница Аня Крючкова, – я паяла пластинки из твердого сплава к ножам фрезы. Нож помещала в индуктор, и надо было ожидать, пока он нагреется. Две трети рабочего времени тратилось на ожидание. А теперь смотрите.

Под руками у работницы действовал своеобразный конвейер. Нагревалось сразу семь ножей. С одним кончалась работа – поспевал очередной... Что это дало? Раньше за смену работница паяла четыреста ножей, теперь – 1600. В четыре раза увеличилась производительность труда! «Виновники» этого – электрик Сергей Илюшин и молодой мастер Анатолий Лопухов. Они сконструировали высокочастотный индуктор для семи ножей и подали идею «настольного конвейера».

В цехе Сергея Илюшина и Анатолия Лопухова считают неразлучными друзьями. В книге записей рацпредложений их фамилии тоже стоят всегда вместе. Это содружество выросло на хорошей основе. Сергей – опытный электрик, Анатолий – грамотный специалист, недавно окончивший техникум.

Дважды рожденные станки

«Узким местом» цеха, где делаются сверла, является старое оборудование. Рядом с новыми стоят станки, выпущенные еще в первой пятилетке. Менять бы их пора, а не на что пока.

А нельзя ли заставить их давать больше того, что они давали? – задумались в цехе. Опыт модернизации оборудования уже был – механик Александр Иванович Охошин уже несколько лет «омолаживает» группу фрезерных станков. Станки стали занимать почти в два раза меньше места и по производительности мало уступают современным.

Начался поход за обновление оборудования. И вот уже первые результаты этой работы: подано сто три рационализаторских предложения. Они заметно меняют лицо производства.

Поход за улучшение оборудования продолжается. Уже первые усилия рационализаторов позволили заводу выпускать за год на два миллиона сверл больше, чем прежде.

Фото автора. 17 октября 1956 г.

Главная улица

На этих фотографиях вы видите центральную улицу деревни Иловки Алексеевского района Белгородской области. Красивая улица! Мысленно пройдемся вдоль нее и коротко поговорим о том, как создавалась эта красота.

В первую очередь, что там за зелень темнеет сзади белого здания? Это сельский парк. Посадили его комсомольцы старшего поколения. Сейчас парк буйно разросся. Здесь есть тенистые аллеи, дорожки среди зарослей, скамейки в живописных местах. Это любимое место отдыха колхозников. Тут играют дети, любят посидеть старики, вечером в парке встречаются влюбленные.

А этот красивый белый дом, что в нем? На его фасаде местный художник прямо по штукатурке нарисовал масляными красками девушку с телянком и молодого агронома среди спелой ржи. Всякий, кто проходит мимо, догадывается – это сельский Дом агрокультуры. В доме помещаются агрономические и зоотехнические кабинеты, комнаты правления колхоза. Построен этот дом два года назад. Молодежь шефствовала над стройкой. Парни работали каменщиками, девушки штукатурили, белили стены, озеленяли площадку перед домом.

Далее по улице виднеется большое здание с фронтоном. Там помещаются магазин, радиоузел, библиотека и колхозный клуб. Здание это старое. К нему ранее было сделано много пристроек, и вид оно имело некрасивый. «А ведь клуб должен быть самым привлекательным строением в селе», – рассуждали комсомольцы. «Что ж, это ваших рук дело, беритесь, украшайте, средства мы выделим», – сказали в правлении колхоза.

Одежда парней и девушек идет «не в ногу».

Пригласили опытных мастеров. Они руководили строительством, а все остальные работы выполняла молодежь. Тут родилась строительная бригада, которая потом возвела не одну постройку в колхозе. А имена лучших каменщиков – Анатолия Дашука, Ивана Кузнецова, Анатолия Резникова – и сейчас жители вспоминают, когда показывают приезжим свое село. А что, разве плохо отстроен клуб! Посмотрите на вторую фотографию: он снят там со стороны фасада. Иной город позавидует такому клубу.

Вернемся к первому снимку. Вдалеке в гуще зелени виднеется школа. Ее в селе зовут «старая школа». Это потому, что в селе строится уже другая, новая, просторная школа. К

сожалению, на снимке не видно строительства. Не попали на снимок и здания трех детских садов, сельской больницы, родильного дома и рентгеновского кабинета.

На работу.

В центре улицы разбит сквер. Это недавняя работа молодежи. Посмотрите, как заботливо огорожены молодые деревца, как чисто выбелена изгородь. Нынешним комсомольцам села не стыдно перед старшим поколением своих товарищей, заложившим в Иловке парк и богатые сады. Посадка садов и деревьев вдоль улиц продолжается. Взгляните на второй снимок. Он сделан в воскресный, свободный от работы день. Но на главной площади у клуба собралась молодежь с лопатами. Руководители бригад по озеленению знакомят товарищей с предстоящей работой. Значит, еще веселее, еще наряднее будет колхозная Иловка.

Фото автора. 18 октября 1956 г.

На трассе голубого огня

Представьте, что вы решили пройти пешком от Ставрополя до Москвы. Вам пришлось бы преодолеть множество рек и болот, холмов и оврагов, идти степью и лесами, пересекать дороги, заходить в села и города. Немало трудностей на этом пути. Такое «путешествие» успешно заканчивают сейчас несколько отрядов строителей. Каждый на своем участке, они вместе проходят всю трассу, оставляя после себя долговечный след – газопровод. По стальным трубам от станицы Изобильной, что под Ставрополем, в Москву потечет природный газ.

Давно ли, обсуждая решения XX съезда партии, советские люди узнали о предстоящем строительстве. И вот ростовчане уже имеют газ: на участке Ставрополь – Ростов газопровод готов. Отсюда до Москвы около тысячи километров. На этом участке идет сейчас напряженная работа. С каждым днем стальная «нитка» газопровода становится длиннее на восемьдесят километров. В землю уложено около 800 км труб. Идут испытания новой линии.

Строители разделились на двадцать шесть механизированных колонн. Каждая имеет свой определенный участок. В районе Ворошиловграда и Воронежа к середине ноября работы будут закончены, и газопроводчики всей силой «навалятся» на подмосковные участки...

Заглянем на участок строительства близ Воронежа. Бескрайняя степь. Мы привыкли видеть здесь только две машины – трактор и комбайн. Показавшийся из-за холма хобот экскаватора сразу выдает пришельцев-строителей. Вон их палаточный городок. Рядом горы труб и целое «стадо» каких-то машин. Но вот начинается рабочий день, и каждая машина занимает свое место в этом движущемся на колесах и гусеницах строительном конвейере.

Впереди идут электросварщики. Их задача – сварить в одну «нитку» все завезенные заранее и разложенные по трассе трубы. Почти каждый из них вдвое, а то и втрое перевыполняет дневное задание. Одного из таких героев стройки – электросварщика Московского строительно-монтажного треста Ивана Кожанова вы видите на снимке. Ежедневно он сваривает более чем трехсотметровую «нитку». Это – три нормы.

Почти рядом с электросварщиками идут роторные экскаваторы. Их задача – подготовить траншею, где надежно укроется газопровод. Потом очередь за изолировщиками. С помощью машин труба очищается от грязи и ржавчины, поливается битумом и обертывается плотной бумагой. Успех этого дела зависит не только от мастерства строителей, но и от погоды. На мокрую трубу смола не ложится. Жаркая погода тоже «противопоказана».

Используя благоприятную погоду, энтузиасты строительства часто работали поздно вечером при свете фар, зарывали «нитку» ранним утром, когда она еще не нагрелась.

Самые тяжелые участки на стройке – так называемые переходы, где трубопровод приходится укладывать по дну речки или оврага, тянуть через болото или прокладывать под путями железной дороги. Трубы приходится гнуть. На случай аварии устраивается запасная линия. 390 таких переходов помечены на карте стройки. На 300 из них уже поставлены красные крестики – переходы одолены.

Стройка родила новый, индустриальный метод сооружения линий на переходах. Раньше трубы применительно к профилю гнулись на месте. Затем они вручную чистились, покрывались изоляцией. Теперь по почину инженеров и рабочих второго стройуправления треста «Мосгазпроводстрой» такие трубы готовят заранее. На месте остается только собрать готовые конструкции.

По-новому идет и сварка «нитки». На строительстве газопровода Дашава – Киев – Москва все трубы сваривались прямо на трассе. Теперь к траншеям доставляются уже готовые 36-метровые «плети» из заранее сваренных труб.

Стройку газопровода по праву можно назвать молодежной. Здесь, преодолевая все трудности кочевого строительства, работают около четырех тысяч молодых газопроводчиков. Сейчас на трассе развернулось предоктябрьское соревнование. Каждую декаду подводятся итоги. Передовикам вручается переходящее Красное знамя стройки.

Долгое время первенство было у механизированной колонны № 5, работающей к северу от Ростова. На днях начальник этой колонны Алексей Шишков передал знамя Петру Черненко. Колонна Черненко, работающая в районе Ворошиловграда, идет к Москве с удвоенной скоростью. Строители борются за то, чтобы к Новому году трасса голубого огня была завершена.

Фото автора. 24 октября 1956 г.

Мотя Трещева – председатель

В будничном платье, в косынке горошком Мотя Трещева выглядит совсем не героиней рядом со сверкающей лаком недавно купленной председательской «Победой».

Представьте большое колхозное хозяйство – сотни гектаров посевов, животноводческие фермы. И все это в крайне запущенном состоянии. За два года в хозяйстве сменилось пять председателей. В селе Гамзине перестали верить, что местный колхоз можно «поставить на ноги».

Комсомолка Мотя Трещева могла, конечно, отказаться от ответственной должности председателя колхоза, сославшись на трудности: не дело, мол, взваливать на девичьи плечи такую заботу. Однако молодой агроном не только согласилась быть в числе тридцатитысячников, но попросила направить ее председателем именно в этот трудный колхоз.

Прошло два года. На областной сельскохозяйственной выставке в Белгороде среди фотографий передовиков сельского хозяйства я увидел знакомое лицо. Мотя Трещева! Под портретом подпись: лучший председатель колхоза Борисовского района.

За два года комсомолка Мотя Трещева не только поставила колхоз на ноги, но и сделала его передовым в районе. Можно перечислить многие производственные показатели хозяйства: в четыре раза увеличались надои молока, вдвое повысилась урожайность полей, выстроены новые животноводческие помещения.

– На каждом столе у нас теперь белый хлеб, сало. Молоко, что называется, рекой льется, – коротко определяют рост жизненного уровня сами колхозники.

Были и тайные слезы отчаяния, когда чувствовала себя совсем беспомощной, были минуты ликования, когда, казалось, невыполнимая задача, наконец, решалась.

– В этом радость жизни, – говорит Мотя, – бороться и побеждать!

Вот один короткий эпизод из богатой и содержательной жизни комсомолки за эти два года. Колхоз впервые решил выращивать кукурузу. Преодолев большое сопротивление некоторых маловеров, посеяли. Пришла пора обработки посевов. Машин нет. «Накрылась кукурузка», – усмехались злопыхатели.

– Я первая берусь обработать два гектара. По два гектара получит каждый член правления, каждый работник бухгалтерии и каждый колхозник, – заявила Мотя.

Кукуруза была спасена...

В этом эпизоде – вся Мотя Трещева, умная, расчетливая хозяйка, по-комсомольски горячая и упрямая, преданная делу, которое ей поручила партия.

Фото автора. Колхоз имени Ворошилова Белгородской области. 6 ноября 1956 г.

День рождения

Мать любовалась сыном. Накануне он сам вымыл пол, ходил за покупками. Раздобыв где-то поваренную книгу, помогал ей готовить кушанья, которых в семье Бухарских никогда не готовили. Сегодня в новой рубашке с галстуком он выглядел уже не подростком – ему и впрямь, несмотря на невысокий рост, можно было дать 16 лет.

Первый раз в жизни в доме праздновали день рождения Валерия. Мать разрешила сыну пригласить своих друзей. Кого он выбрал себе в друзья? Это больше всего волновало Надежду Ивановну. В ожидании гостей она перебирала в памяти все дни с того времени, как Валерий вернулся в отчий дом...

– Сын у Иванихи пришел из колонии, – перешептывались соседки и поспешно звали своих ребятшек – внушить им, чтобы не связывались с «тюремщиком». Мать больно укололо откровенное недружелюбие к ее сыну, однако и у самой к радости свидания примешивалось чувство тревоги. Что принесет это возвращение – радость? Или горе опять поселится в доме?

Валерий поступил на завод. Для матери потянулись тревожные дни. Как встретили сына на производстве? Не отпугнут ли и там обидным словом «тюремщик»? Как он распорядится своей первой получкой? С трудом сдержала слезы радости, когда он, вернувшись как-то с работы, накинул ей на плечи теплый платок:

– Это тебе, мама, подарок, а эти деньги – на хозяйство.

Пересчитала. Откуда у сына такие деньги? Честным ли трудом заработаны? Успокоилась, тайком посмотрев профсоюзный билет, где значилось, что сын заработал за месяц более тысячи рублей.

Осенью Валерий поступил в седьмой класс вечерней школы. Мать чувствовала, что сын на верной дороге. Однако целые дни и вечера его не было дома. Это тревожило ее. У Валерия была еще и жизнь вне дома, невидимая для нее жизнь. Эту жизнь она сейчас постарается разгадать по лицам его друзей, приглашенных на праздник.

Вот вошел паренек.

– Борис Анферов, по профессии слесарь, по призванию фотограф, – шутливо отрекомендовался он и сразу принялся щелкать фотоаппаратом.

«От этого плохого не наберется», – отмечала про себя мать, наблюдая за веселым слесарем. «И этот, видно, путевый», – думала она, глядя на застенчивое лицо маляра Сергея Денисова. Он смущенно крутил ручку патефона, краснея и невпопад отвечая двум бойким на язык девушкам. «А эти из вечерней школы», – догадалась мать, вспоминая рассказ сына о том, что какие-то Лида и Маруся помогали ему осваивать грамматику...

Уже все были в сборе, пора бы садиться за стол, но Валерий с озабоченным лицом поглядывал в окно. Он, по-видимому, ждал еще кого-то. Наконец скрипнула калитка, и на пороге с девочкой за руку появилась женщина.

– Марина Ивановна! – всплеснула руками мать и с благодарностью посмотрела на сына: из всех приглашенных на праздник Марина Ивановна была самым дорогим человеком.

* * *

– Ты что же это делаешь? – Голос, окликнувший подростка, был совсем не грубый. И в первую минуту мальчишка смущенно застыл с пятеркой, вынутой из чужого кармана, потом, увидев у женщины милицейские погоны, насупился:

– Ну что ж, ведите! Только я все равно убегу!

Верхняя губа у мальчишки заодно оттопырилась, вся его фигура в длиннополом пиджаке была смешной, и Марина улыбнулась:

– А куда же ты убежишь?

– Да уж у вас направление спрашивать не буду. А судить меня не имеете права – молод еще...

«Стреляный воробей», – подумала Марина, водворяя подростка в детскую комнату управления милиции.

В книге «посетителей» против фамилии Валерия Бухарского стояло уже 5 приводов. Предшественник Марины, работавший инспектором детской комнаты, аккуратно вел запись всех «грехов» Валерия. «Первый раз задержан за спекуляцию билетами в кино. Предупрежден». «Пытался из столовой унести 5 вилок и 6 ножей. Предупрежден». «Приведен за попытку украсть в магазине бутылку шампанского вина. Предупрежден». «Еще одно такое «предупреждение», и мальчишка станет профессиональным воров», – подумала Марина, захлопывая книгу.

– Родители-то у тебя есть?

Задержанный не отозвался. Он крепко спал, уткнувшись носом в спинку дивана. В его исхудалом лице не было озлобленности, с которой Марине часто приходилось сталкиваться за годы своей работы с беспризорными детьми. Давно немые щеки ввалились. Мальчишка шевелил во сне потрескавшимися губами и изредка вздыхал. «Не легко, видно, живется парню», – подумала Марина. Она сняла плащ, висевший на случай дождя, и укрыла ему ноги. Часы пробили двенадцать. «Дочурка теперь уснула, не дождавшись меня», – подумала Марина и, погасив свет в комнате, закрыла за собой дверь.

Марина Ивановна Гулина и Валерий Бухарский.

На другой день чуть свет, прыгая через лужи окраинных улиц, Марина разыскивала домик, где должны были жить родители Валерия. Можно было бы и не ходить в такую даль. Просто написать повестку – пришли бы сами, но хотелось взглянуть на обстановку, в которой жил мальчишка. Хотелось выяснить причину, толкнувшую подростка к бродяжничеству.

Причину долго искать не пришлось. Еще на пороге Марина услышала злую ругань. С утра приложившийся к бутылке отец делал «смотр хозяйству». Слышались грубые ругательства и всхлипывания женщины.

Приход милиционера взволновал только мать. Родитель же, угрюмо поздоровавшись, ушел во двор. Мать беспомощно опустилась на стул. Да, она видит, что сын сбивается с дороги. Она все глаза проплакала, а что можно сделать? С чего начались побеги Валерия из дому? Да уж сами видите, как живем...

В школе, где учился Валерий, развели руками: понять не можем этого ребенка. Типично трудновоспитуемый...

«Спасти мальчишку можно, только оздоровив семью, но ведь на это надо время, а оставить Валерия под влиянием улицы – значит дать вырасти преступнику», – думала Марина. В детскую комнату она возвращалась с твердым решением.

Мальчишку она застала уже проснувшимся. Плащ висел на гвозде.

– Валерий, тебя придется отправить в колонию...

Валерий не стал спрашивать, почему. От уличных друзей он уже знал, что полагается за его поступки. Он уже давно ожидал этого приговора и почему-то считал, что если уж собираются послать в колонию, то должны на него кричать, ругаться. Спокойный тон озадачил его...

Ровно год пробыл Валерий в Абаканской детской воспитательной колонии. Первые месяцы он не знал, что Марина Ивановна, настоявшая отправить его в колонию, за сотнями дел, которыми ей пришлось заниматься, не забыла и о нем. Не знал он, что она не один раз ходила в окраинный домик, где жили его родители, и что от ее разговоров письма отца к нему стали ласковее и сердечнее. Не знал он и переписки Марины с начальником колонии. Наконец, к нему пришло письмо, написанное ровным почерком. Марина спрашивала, как он себя чувствует, хорошо ли к нему относятся, какую специальность он осваивает и какие отметки по его любимому предмету – математике.

Вначале ему хотелось порвать письмо: она ведь отправила меня в колонию! Потом, уже лежа в постели, он тихонько развернул листок еще раз. «Откуда же она знает, что я математику люблю?» Сразу почему-то вспомнился плащ, укрывавший ноги, бутерброд, который он нашел на диване в то утро. Потом вспомнились его побеги из дому, ночевки на чердаке старого склада, вспомнился дождливый вечер, когда ход на чердак кто-то заколотил и он ночевал в подворотне. Веки его слипались, и уже в полудреме перед глазами встал кривой Сенька Сурик, приказывавший красть для него яблоки на базаре. Потом вспомнился красноносый продавец, больно ударивший его за это по голове. А рядом с продавцом вдруг оказалась милиционерша. Она взяла продавца за руку и спокойным голосом говорила: «Ты что же это делаешь?», и Валерка не знал, кому она это говорит – ему или продавцу. Глаза его закрылись, он спал...

Отвечать на письмо он сразу не стал, и только через месяц Марина получила письмо из колонии:

«Пишу ночью. Очень захотелось кому-нибудь рассказать о своей радости. Только что дочитал книжку «Александр Матросов». Вот был человек! А вы знаете, Марина Ивановна, он ведь беспризорником был. В колонию попал... На вас я больше не сержусь. Валерий».

Потом началась аккуратная переписка. Марина узнала, что в колонии есть «мировой» воспитатель Сергей Васильевич Пентин. «Начальству на воспитанников не жалуется, но так дело повернет, что в глаза ему стыдно смотреть». «И еще есть воспитатель – моряком когда-

то был – Михаил Макарыч Жмаков. Душа-человек. Водит нас на рыбалку. А о море рассказывает как! Думаю себе брюки-клеш завести, как у него».

В ответ на посылку с книгами: «Овод», «Рожденные бурей», «Педагогическая поэма» – пришел ответ: «Благодарность вам пишет вся наша группа. Только посылоч больше не присылайте. Пришлите, если можете, рекомендацию. Хочу приехать домой комсомольцем».

Валерий вернулся в родной город. Прямо с вокзала направился в детскую комнату.

– Спасибо вам, Марина Ивановна, – уже по-мужски окрепшим голосом сказал он.

Марина помогла Валерию устроиться на работу, а потом в вечернюю школу.

* * *

Рассказав эту историю, нам хочется во всеуслышание сказать людям, спасшим для жизни человека: спасибо! Кто они, эти люди? Это «мировые» воспитатели детской колонии – Константин Васильевич Толмачев, прививающий ребятам любовь к книгам, бывший моряк, романтик Михаил Макарович Жмаков, умеющий увлечь ребят рассказами об истинно красивой жизни. Это мастер-умелец Сергей Васильевич Пентин, научивший Валерия ремеслу. Это товарищи по заводу и вечерней школе, по-дружески тепло встретившие Валерия. Они помогают ему не сбиться с дороги, на которую он с таким трудом становился. И, конечно же, очень многим обязан Валерий чуткому и заботливому человеку Марине Ивановне Гулиной. Ведь подойди она казенно к мальчишечьей судьбе, что было бы с Валерием сейчас? Может быть, его имя встретилось бы нам на каком-нибудь судебном процессе, и мы сокрушались бы: как же это упустили парня? Вовремя заметить шатание человека, вскрыть причины этого и принять нужные меры – главная забота воспитателей. И эту обязанность с честью выполняет младший лейтенант милиции Марина Гулина.

– Она у нас очень чуткая и отзывчивая. Ей бы в школе работать, – сказал про нее один из ответственных работников милиции. Мы поспорили с ним. И сейчас утверждаем: да, в школе должны быть сердечные и умные педагоги, но и в детских комнатах милиции и во всех других учреждениях, где решается судьба молодых людей, должны работать чуткие, отзывчивые люди, люди большой души.

Фото В. Пескова. А. Черноусов, В. Песков. Новосибирск. 28 ноября 1956 г.

Огород под стеклом

На дворе двадцатиградусный мороз, снег хрустит под ногами, а в новосибирских магазинах – красные помидоры, свежие огурцы, горы лука, салата, шампиньоны. Спрашиваю у продавщицы:

– Самолетом, видно, доставлены?

– Нет, это только сегодня с грядки. У нас в Новосибирске выращено.

За городом, по ту сторону Оби, расположен этот чудесный огород, снабжающий новосибирцев овощами. Если глянуть на него в солнечный день сверху, глазам станет больно. Тысячи листов стекла сверкают под лучами. Тридцать две стеклянные галереи двенадцатиметровой ширины и пятидесятиметровой длины тянутся параллельно друг другу. Целое царство стекла! Заглянем под эту прозрачную крышу. Здесь светло так же, как и на улице, и жарко. Обработанный пар служит сельскому хозяйству. Но, кроме тепла, растениям нужен еще и свет. Что же, его в Сибири избыток. По солнечным дням Новосибирск соперничает с Сочи. Здесь 220 солнечных дней в году, тогда как в Москве, например, немногим более девяноста. Вот почему так выгодно строить в сибирских городах теплицы. Однако взглянем на грядки.

К зиме глаз уже отвыкает от зеленого цвета растений, поэтому здесь поражаешься богатству летних красок. Чуть ли не на три метра вверх тянется ботва помидоров.

Каждый день здесь идет уборка урожая. В широких корзинах работницы несут груды помидоров, огурцов. В следующих галереях растет лук, изумрудной кажется плантация салата. Если сложить площадь всех грядок, получится ровно два гектара. С этой площади равномерно и непрерывно в течение всей зимы идет поток овощей. За сезон – пятьдесят тонн помидоров, двести семьдесят пять тонн огурцов, почти сто тонн лука, редиски, петрушки. Это дает хозяйству более миллиона дохода. А занято на всех работах в тепличном комбинате, включая шоферов и секретаря-машинистку, всего полтора человека.

Комбинат построен два года назад, поэтому и рабочим и молодым агрономам приходится экспериментировать, искать наиболее эффективные методы выращивания овощей. Есть в этой работе уже немалые успехи. Комсомолка Дуся Кирьянова, например, сняла со своего участка почти две тонны помидоров сверх плана. Валя Аникина собирает тринадцать тонн огурцов вместо девяти. Больших успехов по выращиванию помидоров добилась Катя Каешкина, она расскажет о своей работе на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1957 года.

Недавно комбинат начал выращивать шампиньоны. Эти грибы, не уступающие по питательности мясу, не требуют большого ухода. Однажды посеянные в хорошо подготовленную почву, они дают урожай непрерывно – успевай только собирать, – до тех пор, пока почва не истощится.

Новосибирский тепличный комбинат – хорошо организованное, культурное хозяйство.

5 декабря 1956 г.

На Ангаре

Неля Родина (на фото слева) и Алла Петрова – коренные сибирячки. Обе родились и выросли близ берегов Байкала. Сейчас девушки работают бетонщицами. Руками двух подруг в плотину уложено уже более семи тысяч кубометров бетона.

В середине декабря воды Ангары приведут в движение первый гидроагрегат Иркутской ГЭС. И чем ближе этот торжественный момент, тем напряженней дни на стройке.

Как на фронте перед генеральным наступлением, на главные участки стянуты самые опытные и закаленные силы. Вот один из таких участков. Красиво на темном небе вырисовывается подернутое инеем кружево порталных кранов. Но краны уже сделали свое дело на стройке. Наступило время их разборки. Шагающий экскаватор огромной «рукой» переносит их по частям на берег. Скоро он доберется и до самой эстакады, на которой несколько лет покоились краны. Этой работой с микрофоном в руках «дирижирует» молодой бригадир Николай Осеев.

– Не задерживай, друг, а то затопит, – торопит его мастер бригады гидромонтажников Владимир Маслоков.

Ему поручили ответственную работу: стальными щитами-затворами преградить путь реке. Первые затворы уже опущены. Надо зорко следить за могучей рекой, днем и ночью быть готовыми к любым «сюрпризам» Ангары.

Не менее ответственна работа и тех, кто готовится использовать тысячетонный напор Иркутского моря. Монтажная площадка машинного зала. Круглые сутки здесь не прекращается работа – стучат молоты, сиреневым светом покрывает стены электросварка, шуршат на столах инженеров листы чертежей, по которым идет сборка генераторов. Здесь трудится молодежная бригада Николая Тихоновского.

В самый ответственный момент сборки неожиданно выяснилось, что 60 двухметровых шпилек, которыми крепятся некоторые детали статора, изготовлены заводом слишком длинными. Отправлять их в мастерскую укорачивать – значит на два-три дня задержать сборку. А что значат в горячее время два дня, когда на учете каждая минута! Монтажник Виктор Коловертов вызвался во внеурочное время укоротить шпильки. Днем он участвовал в сборке, а до поздней ночи, используя свою прежнюю профессию слесаря, укорачивал шпильки, нарезал на них резьбу. График сборки не был сорван. Этот рядовой для стройки поступок никого не удивляет. Для ускорения пуска люди не жалеют сил и времени. На той же монтажной площадке молодой крановщик Михаил Гуржий и его помощник Саша Сакун в самый напряженный момент монтажа агрегата, несмотря на уговоры товарищей, больше суток не выходили из будки мостового крана.

– Так было надо, – просто говорят о своем самоотверженном поступке Михаил и Саша.

Рядом с монтажниками в многочисленных коридорах и туннелях, которые прорезают бетонное тело станции, трудятся электрики. Их задача – вовремя сдать линию, по которой ток от генераторов пойдет к трансформаторам, измерительным приборам и дальше – к потребителям. Недавно здесь из-за несвоевременной сдачи помещений строителями создавалось «узкое место». На прорыв пришел опытный электромонтажник комсомолец Константин Такташов. Со своей молодежной бригадой, принимавшей участие в десяти предыдущих гидростройках, он стал работать ночами, когда площадка была свободна, и быстро вывел электромонтажный участок из прорыва.

Успех дела решается не только на основных монтажных участках. Многое зависит от бригады Валентина Бражникова, собирающей пульт управления – «мозг электростанции», без которого пуск невозможен, от шоферов, которые укрепляют плотину, сваливая в месте бывшего русла реки сотни тонн грунта.

С каждым днем вода в реке поднимается все выше и выше. Она затопляет низины, выгоняет в окрестные леса зверей, расположившихся на зимовку. Час от часу растет водяной

столб перед плотиной. Еще вчера серебряной рыбкой сверкало лезвие топора, уроненного кем-то в воду, а сегодня его уже не видно. Остановленная Ангара, набирая силы для работы, торопит строителей.

Праздник пуска первой в Сибири гидротурбины будет праздником не только строителей Иркутской ГЭС. Это будет первая победа всех строителей, осваивающих энергетические богатства Востока.

Фото автора. 12 декабря 1956 г.

Первая в Сибири

Иркутская ГЭС дала ток

Стройка и прилегающий к ней поселок на две минуты погрузились во мрак. Такова традиция гидростроителей: две минуты ожидания...

Ангара с ревом проносится через плотину. Тысячи людей мысленно следят за пультом управления электростанции. И вот где-то в недрах бетонной громады электрик повернул рубильник, и, словно вспышкой молнии, озарилось все вокруг.

Молния не исчезает. Она остается висеть гирляндами лампочек над кранами, сплетением арматуры и кружевом пены бушующей реки.

Есть ток! Ангара впряглась в работу!

В эту минуту над водой повисают разноцветные огни праздничных ракет. Строители торжествуют победу – пуск первой в Сибири мощной гидротурбины. Ток от нее пошел к станкам иркутских заводов, к жилым домам, в контактную сеть новой электрифицированной железной дороги у Иркутска. В ближайшем будущем по гигантской линии электропередачи, идущей через тайгу, он достигнет строительной площадки Братской ГЭС.

Молодые герои стройки. Слева направо: монтажники из «бригады семнадцати» Куприян Бутаков, Анатолий Зарубин, Юрий Чурин, Александр Завиров, Иван Корж, Аркадий Кадников, Петр Брызгалов.

Счастьем светятся лица строителей: убеленных сединами ветеранов и безусых юношей – посланцев комсомола. Это они победили сорокаградусные морозы и обуздали своевольную Ангару.

Пройдут годы, и люди с уважением будут читать надписи с именами героев, отлитые в бронзе и установленные на бастионах гидроузла. Но пока еще нет бронзовой доски, а герои, чьи имена будут начертаны здесь, в будничной одежде, испачканной маслом и цементом, с инеем на бровях, продолжают свое привычное дело.

Стройка воспитала много настоящих героев труда. Среди них – немало молодежи. В предпусковые дни всех поразило упорство семнадцати монтажников.

...Вода перед плотиной поднималась все выше и выше. Приближался пуск первого агрегата. Настало время разборки бетоновозной эстакады и стоявших на ней порталных кранов.

Специалисты прикинули: работы на месяц. Этот срок всем казался минимальным. Впрочем, не всем...

В кабинет начальника стройки А. Е. Бочкина вошли семнадцать монтажников:

– Беремся разобрать эстакаду за неделю.

Закаленных и опытных монтажников хорошо знали на стройке. И все-таки не все поверили в их слова.

Стояли ярые морозы. Над незамерзшей Ангарой днем и ночью висел туман, плотный настолько, что машинисты кранов из своих будок не различали огней на стрелах. И в этом «сорокаградусном молоке» днем и ночью работали монтажники. Они на головокружительной высоте, рискуя свалиться в ледяную воду, передвигались по обледенелым конструкциям, развинчивали гайки, резали фермы.

Многие приходили взглянуть на работу смельчаков, но в тумане ничего нельзя было разглядеть. Только бригадир Иван Асеев, который с микрофоном в руках «дирижировал» этой героической работой, ухитрился следить за действиями монтажников.

Эстакада была разобрана за шесть дней! С облегчением вздохнули люди, когда монтажники спустились на «большую землю». Они стояли уставшие, но веселые, смущенно принимая поздравления товарищей. «Ничего особенного», – скромничали комсомольцы.

История стройки знает немало подобных эпизодов. Бригадиры Михаил Василенко и Николай Тихоновский со своими людьми сутками не уходили с монтажной площадки. Всех восхитила скорость в работе молодых плотников из бригады А. Мухаметова. Они за два дня воздвигли над агрегатами гигантский дощатый тепляк.

«У нас каждый немножко герой», – шутят строители – пионеры освоения гидроэнергетических богатств Сибири.

Вчера у них был первый праздник. Недалеко и до второго. В первых числах января заработает вторая турбина. Она собрана в невиданно короткий срок. А там очередь за третьей, четвертой... Не за горами и час, когда дадут ток Новосибирская, Братская, Красноярская и другие гидростанции. Их огнями озарится вся преображающаяся Сибирь.

Фото автора. 29 декабря 1956 г.

1957

Охотиться в тайгу!

В таежной глуши, за тысячи километров от больших городов лежит поселок горняков Мама. Зимой только самолетом можно добраться сюда с Большой земли, но поселок живет полнокровной культурной жизнью. Здесь есть кинотеатр, средние школы – дневная и несколько вечерних. Рядом со школой стоит здание интерната, где живут дети горняков с дальних промыслов. Богатству и удобству мастерских в Мамской школе могут позавидовать даже многие московские школьники.

Местное общество охотников создало для школьников – любителей охоты кружок следопытов-таежников. Шефство над кружком взял молодой охотовед Н. Павлюченко.

Иные старшеклассники прошли по тайге с ружьем уже не одну сотню километров.

– Соболишка взял прошлой зимой, – говорит десятиклассник Саша Терский. А чтобы «взять» соболя, надо, как известно, не щадя сил, идти за ним по тайге иногда десятки километров. Так Саша, верно, и шел.

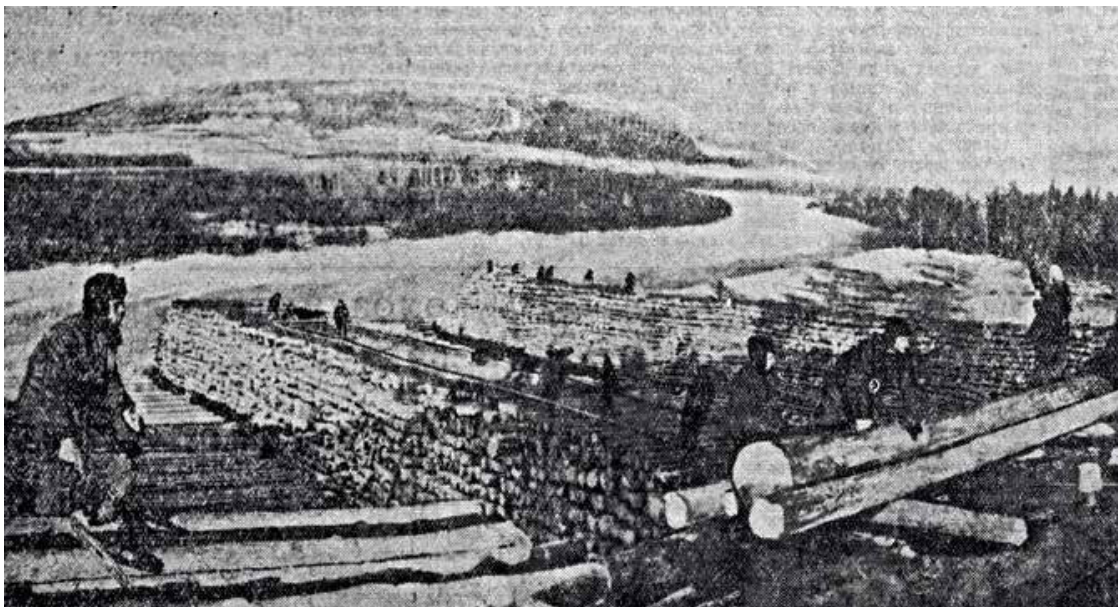
Ходили ребята в тайгу прежде поодиночке или с отцами-охотниками. А этой зимой новогодние каникулы решили провести в тайге все вместе. Охотники построили для ребят в тайге избушку-зимовье, чтобы было куда приходить на ночлег. И в первый день каникул ребята вышли в тайгу.

Шла деятельная подготовка к охотничьему походу: проверялись ружья, снаряжались патроны, чинилась одежда. Особенно много хлопот доставили ребятам лыжи. Это ведь не обычные узкие, известные каждому школьнику лыжи. Зверя приходится преследовать по глубокому снегу, поэтому лыжи для тайги делаются широкими. Для прочности и хорошего скольжения снизу их подбивают оленьей или лосиной шкурой. Научиться делать такие лыжи важно для охотника. В мастерской ребята сделали себе отличные лыжи.

Фото автора. 4 января 1957 г.

На дне братского моря

Пока оно лишь обозначено светло-голубой краской на картах лесничих. На возвышенных местах вдоль Ангары виднеются вешки геодезистов. Минуешь такую вешку и попадаешь с «берега» на «дно морское». Но вокруг по-прежнему стеной стоит заколдованная зимой безмолвная тайга.

Через три года плотина перегородит Ангару, и гигантская чаша, вытянутая от Братска и почти до Иркутска, заполнится водой.

Вода будет подниматься ступеньками. К 1964 году она достигнет верхних отметок. К этому времени надо убрать со всего дна жилые строения, имеющиеся в этом необжитом краю, немногие предприятия, а главное – лес.

Не тронутая человеком тайга занимает тут всю площадь будущего моря – 533 тысячи гектаров. По приблизительным подсчетам, это 38 миллионов кубометров первосортной деловой древесины. С работой такого объема в такие сроки не приходилось сталкиваться никому – ни в нашей стране, ни за рубежом.

Первые лесорубы пришли сюда пять лет назад. Сейчас специальная контора «Братсклес» имеет пятнадцать леспромхозов. «Эвакуировать тайгу» приехала в основном молодежь.

Мы часто употребляем выражение: нехоженные пути. Здесь это образное выражение приобретает буквальный смысл. Комсомольцам, приехавшим сюда по путевкам райкомов с Кубани, из Москвы и Ленинграда, показали точку на карте: «Тут будет ваш поселок; дороги туда нет, и никто, кроме медведей, на этом участке не оставлял следов».

С топорами в руках комсомольцы проложили дорогу к «точке», построили поселок, доставили технику, и вот уже больше полугода идет со дна будущего моря «комсомольский лес».

...Рано начинается день в поселке. В темноте урчат тракторы. Похлопывая варешкой о варешку, непривычные к суровому морозу кубанские парни идут на лесосеку. С каждым днем путь к ней становится все длинней и длинней. Тайга отступает. И с каждым днем крепнут силы. Растет опыт лесорубов. Учителей в полном смысле слова здесь не было. Сам

директор леспромхоза Евгений Горбатов и все мастера только год назад окончили лесной институт. Впервые взяли в руки топоры с пилами и многие комсомольцы Судовского леспромхоза.

Не все давалось легко и просто. Подавленный величием и неприступностью тайги, Николай Ноженков поначалу собирался «дать тягу» домой. Теперь же он один из лучших вальщиков леспромхоза и вполне доволен своей работой.

Сноровку лесорубов приобрели многие комсомольцы.

Работа эвакуационных леспромхозов заключается в том, чтобы спилить деревья, очистить их от веток и трелевочными тракторами стащить хлысты на берег Ангары. Тут в огромных штабелях, какие видны на левом снимке, лес дождется весны. Половодье подхватит бревна и понесет вниз. Часть леса будет выловлена у Падунских порогов для нужд строительства, другая часть – у специальных перевалочных пунктов в Братске для переработки в пиломатериалы. Остальной лес по железной дороге пойдет на стройки, шахты и рудники Сибири.

Но вывезти весь лес не под силу железной дороге. Поэтому в Братске и его окрестностях сейчас строится несколько лесопильных заводов. В 1960 году здесь должен вступить в строй крупнейший в стране лесопромышленный комбинат. Он будет перерабатывать за год три с половиной миллиона кубометров древесины. В дело пойдут и сучья, и хвоя, и опилки. Комбинат будет выпускать бумагу, картон и множество химических продуктов.

Фото автора. Братск. 13 января 1957 г.

Зима на Лене

Великая сибирская река тянется через тайгу на тысячи километров и, как живительная артерия, связывает между собой сотни больших и маленьких таежных поселков и городов, раскинувшихся на ее берегах. Тысячи людей ждут навигации на Лене. В этом краю нет пока дорог, и Лена на своих могучих плечах доставляет людям хлеб, машины, охотничьи припасы, нефть, уголь, медицинское оборудование. С Лены идут в верховья меха, рыба, горные богатства края. Сотни пароходов и барж спешат пройти за короткое лето долгий путь от Байкала до бухты Тикси.

А сейчас еще более величественными и суровыми, чем летом, стали скалистые берега реки. До самых окон занесены снегом одинокие домики речных сторожей – бакенщиков. Самим бакенщикам сейчас нет работы. Одни ушли в тайгу промысливать белку и соболя, поднимать из берлог медведей; другие заготавливают дрова, вяжут сети, чинят знаки водного пути, а по утрам спешат проверить, не попала ли в перемет рыбешка. Тихо на реке. Изредка проедет конный обоз. Окликнут бакенщика: «Нет ли наледей на реке?». «Нету, езжайте спокойно», – ответит он. Бакенщик стосковался по людскому говору. Ему хочется перекинуться словом с обозниками, но те спешат засветло добраться до деревни, и он идет в хату включить приемник, послушать вести с Большой земли...

Совсем другая жизнь в городках и больших поселках у реки. На снегу следы автомобильных шин, узоры, оставленные лыжниками, – несмотря на трескучий мороз, школьники затеяли лыжные гонки на первенство деревни Никольской. Комсомольцы города Киренска устроили на реке каток...

Особую, ни с чем не сравнимую картинку представляют на реке затоны, где собрались на зимовку речные суда. Десятки маленьких суденышек и огромные пароходы кажутся, если на них взглянуть с прибрежной скалы, сказочными животными. Словно зима пригнала их сюда в поисках тепла, но и тут они не нашли его. И вот, сбившись в кучу, стоят, окоченевшие на морозе, а снег успел надеть им на широкие спины пушистые покрывала. Тишина...

Но присмотритесь внимательнее: в утробе одного «зверя» сверкнул огонь. Потом послышалась частая дробь. Это же электросварка и пневматический молоток! Как обманчиво безмолвие!

Оказывается, во чревах «животных» работают люди. Да и сами «животные» не мертвы, они только задремали до весны. А если пройти от затона с полкилометра за высокий забор, сказочного сна и в помине нет. Урчат десятки машин, скрежещет железо. Это Киренский судоремонтный завод.

В конце октября капитаны привели сюда свои пароходы и остались здесь зимовать. Судовые механики и кочегары перекочевали с пароходов в механические цехи. До весны они будут работать токарями и слесарями. Молодой капитан с пассажирского парохода «Ленинград» Илья Соловьев вышел на палубу с топором в руках. На зиму он переквалифицировался в прораба плотников. Так же поступили капитаны Дмитрий Горбунов, Федор Курбатов. Всю зиму будет кипеть здесь работа. Шутка ли, надо отремонтировать несколько сот судов! А в мае подуют теплые ветры. Река освободится из ледяного плена. Оживут пароходы. Они поплывут по Лене в край, где летом не бывает ночи.

Киренский затон. 25 января 1957 г.

Семья Петра Гриновского

Эту историю я услышал в далеком северном поселке с неожиданно теплым названием – Мама. В гостинице моя кровать оказалась рядом с постелью охотоведа Николая Спиридоновича Калинина, приехавшего из Иркутска ознакомиться с отловом соболей. Это был молчаливый, как и большинство таежных людей, мужчина с седыми усами и простуженным голосом.

Утром мы с ним спешили по делам службы, а вечером в жарко натопленной комнате обменивались впечатлениями дня. Николай Спиридонович больше слушал или листал обветшалые, трехгодичной давности журналы. Но однажды разговорился, и вот что я от него узнал.

...Жила на окраинной улице в Иркутске Софья Петровна Гречкина. В самом начале войны, в сорок первом году погиб ее муж. Осталась одна с двумя детишками. Ради них снова вышла замуж. Но попался подлый человек, ребятишек не любил, пьянствовал, а потом исчез неизвестно куда. Оставил после себя люльку с младенцем да новые морщины на лице у женщины.

Софья работала сторожихой, души не чаяла в детях. Они у нее всегда были веселые, опрятно одетые. Но однажды не убереглась мать. Простудилась. Слегла и не поднялась...

После похорон собрались соседи, пришел кто-то из школы, из райсовета. Начали судить, рядить, как быть с ребятишками. Наконец решили определить в детский дом. Только родной дед осиротевших Петр Константинович Гречкин, уронив голову на грудь, молчал. Ему, видно, горько было видеть, что придется расстаться с внучатами. К себе бы взять. Но разве вытянешь семью в такие годы... И тут заговорил Петя Гриновский:

– Как хотите, но детей разлучать нельзя.

Все удивленно повернулись к нему: что, мол, предлагаешь?

– Я беру на воспитание ребятишек...

Семья Гриновских.

Легкомысленными показались всем эти слова. Ведь кто их сказал – студент, первокурсник! До своего рубля еще пять лет топать надо. И мать у него старая... О ней бы и заботился.

Николай Спиридонович давно знал Петю, был знаком еще с его отцом. Петин отец – старый коммунист, при царе дорогу в Сибирь кандалами подметал. Кристальной души был человек. И, видно, от него унаследовал сын и ум, и любовь к людям. Жил Петя вдвоем с матерью в маленьком домике, обсаженном сиренью. Мария Дмитриевна работала гардеробщицей в педагогическом училище.

После окончания десятилетки в пятидесятом году парень вдруг не пошел в институт, хотя и имел лучший по классу аттестат. Остался работать в школе электромонтером и лаборантом. То ли матери хотел помочь, то ли другое что. В университет поступил только на третий год. Работу, однако, не бросил. И скоро о кабинете физики, который он оборудовал в пятнадцатой школе, заговорили как о лучшем в городе. Чем-то умел Петр привораживать к себе мальчишек. Все вились они около него, все что-то плющили молотками, что-то строга- гали, клеили. Но, даже зная Петину любовь к детям, все его отговаривали брать к себе сирот: сам-то очень молод – двадцать лет тогда ему было.

Отговаривали его в школе, отговаривали друзья. Горсовет попробовал отказать в усыновлении, ссылаясь на недостаточную обеспеченность семьи Гриновских. Но Петр взял счета, положил на костяшках свою школьную зарплату, прибавил пенсию ребят, свою стипендию. А сверх этого выложил справку о том, что с завтрашнего дня он работает еще кино- механиком в кинотеатре «Гигант». Пришлось горсовету отступить, тем более что среднюю девочку решил пока взять к себе дед Петр Константинович...

Младшего, Володьку, Петя сразу же усыновил, выправив все положенные документы. Со старшим у него состоялся другой разговор:

– Стань-ка рядом, Женя. Ну вот, почти что с меня ростом. На шесть годов только раз- ница. Как я тебя усыновлять буду? Не станем писать лишнюю бумагу. Будем жить вместе, а называй меня, как хочешь: опекуном, братом. По мне же быть бы нам хорошими друзьями.

– На всю жизнь, да?

– На всю жизнь!

Так вот и начала свой путь новая, не совсем обычная семья. Все, кто приходил в домик с голубыми ставнями предложить помощь или дать какой совет, душой отдыхали около ребя- тишек и ласковой Марии Дмитриевны.

Работа и учеба отнимали у Петра много времени, но всегда у него находились минуты поговорить о ребячьих делах, проверить дневник Жени, повозиться с Володей. Приносил он домой то какую-то «очень полезную» книжку для Жени, то покупал игрушку для Володьки. А воскресенье – ребятам целиком. Гриновские всей семьей на концерт идут. Говорят, бывало, Пете:

– Ты бы поэкономил деньги, пиджачишко бы справил себе. В этом-то и на народ зазорно показываться.

– Ничего, – ответит, – обойдусь. А сегодня Шестая симфония Чайковского, Жене надо обязательно послушать. Без музыки человеку нельзя расти. У меня, – отшучивался, – на культурные нужды есть твердая статья.

Трудолюбием Петра заразился и Женя. К концу занятий в десятом классе он уже знал «отцовские» профессии: смог бы быть монтером, киномехаником, лаборантом. И когда Пете приходилось уж очень туго, Женя с успехом заменял его на работе.

Окончил Женя десятый класс. Соседи думали, что теперь полегчает Гриновским: пара рабочих рук прибавится. Сам Женя рвался на производство. Но Петр безапелляционно заявил:

– Пойдешь в вуз. У тебя же способности к химии! Ты больше, чем кто-нибудь, имеешь право учиться. Готовься к экзаменам.

И стали они учиться вместе, на одном факультете. Петр на четвертом курсе, Женя – на первом, а работу поделили пополам. Выровнялись они и ростом. Стали как братья, только Петя светловолосый, а Женя черный, как грач. На последнем курсе Петя принялся за диплом, всю работу о доме взял на себя Женя. Володя к тому времени ходил уже в пятый класс.

Когда Женя перешел на третий курс, Петя получил назначение на работу. На двери маленького дома повесили замок. Заколотили ставни.

С тех пор Николай Спиридонович Калинин ничего не знает о Гриновском. Как-то они живут теперь?

* * *

В Иркутском облоно без труда нашли нужный адрес: средняя школа в поселке Тельма Усольского района. Петр Гриновский работает там преподавателем химии.

Вечером, пристроившись на попутную машину, я выехал в Тельму. В поселке ребята гоняли палками по льду мерзлую картофелину. Остановив на минуту «хоккеистов», я спросил, как пройти к учителю.

– А вон на корке светятся два окна, – показал мне вывалянный в снегу «вратарь».

– Володька, – подтолкнул он вперед коренастого паренька, – проводи к вам.

Я спросил у Володи:

– Петр Иванович кем тебе приходится?

– Папкой.

Я оглядел мальчишку. Новая шапка, ладно сшитая шубейка, белые валенки и аккуратные рукавички.

– Любит, видно, тебя отец?

– И я его, – расплылся он в широкой улыбке.

Большой дом. За забором по-хозяйски уложенные поленицы дров. Нажимаю щеколду.

– Папа, к тебе дядя из Москвы, – еще из сеней кричит Володя.

Навстречу поднимаются двое молодых мужчин и старая женщина с каким-то шитьем в руках. Мне повезло: Женя в этот день приехал из университета домой «на побывку».

Ребята одинаково называют Марию Дмитриевну мамой. И она относится ко всем с одинаковой теплотой.

– Вот только Володю слишком балует, – с ласковым упреком говорит Петя.

– Нет, мама говорит, что это ты меня балуешь, – прижимается к отцу Володя.

Все улыбаются. Видно, что хорошее человеческое тепло прочно поселилось в этом доме.

– А как живет ваша сестра? – спрашиваю у Жени.

– Рая по-прежнему у дедушки. Учится в восьмом классе. Дедушка к Рае привык, никак не хочет расставаться. Да и он ей дорог. Старенький уже стал, за ним надо присмотреть.

Вечером другого дня, проводив Женю к поезду, мы с Петром шли по тихим улицам Тельмы. Он рассказывал о трудностях, с которыми столкнулся.

– Но теперь дело налаживается. Скоро у нас новая школа будет. Такой кабинет оборудуем! Уж тогда я со своими «алхимиками» развернусь.

По тому, с какой радостью говорил он о своих планах, было видно, сколько доброты и силы у этого человека. От матери я узнал, как трудно пришлось ему с ребятами в первые годы. Не хватало денег, а хотелось, чтобы «его дети были ничуть не хуже других». Как переживал он тяжелую болезнь Володи! С Женей тоже одно время маялся. Тот, увлекаясь фут-

болом, сильно запустил учебу. «Родителю» пришлось покраснеть за «сына» на школьных собраниях и педсоветах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.